

ТРАКТАТЪ О САМОПОЗНАНІИ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

показывающая: какъ достигается самопознаніе?

Изъ сказаннаго въ предыдущихъ частяхъ такъ ясно видно превосходство самопознанія, и сколь оно полезно для счастія человѣка, что, кажется, нѣтъ нужды прибавлять къ тому что-нибудь, для поощренія къ большому изученію столь важнаго предмета и къ практическому въ немъ упражненію. Если мы въ настоящей жизни хотимъ быть спокойны, довольны и общепользны, а въ будущей вѣчно блаженны, то конечно должны почитать познаніе себя выше всѣхъ другихъ познаній, какъ лучшее украшеніе нашего характера, благодѣтельное во всякомъ состояніи жизни и оно щедро вознаградитъ труды наши.

Но еслибы нужны были еще какія-нибудь къ тому возбужденія, то я представилъ бы всѣ ужас-

ныя послѣдствія незнанія себя и показалъ бы, какъ оно служить источникомъ всѣхъ безумствъ и несообразностей въ характерахъ людей, и какія влечетъ за собою лишенія бѣдствія. Намъ стоило бы упомянуть о качествахъ противоположныхъ тѣмъ, о которыхъ мы уже говорили, какъ о непосредственныхъ послѣдствіяхъ самопознанія. И дѣйствительно: что дѣлаетъ насъ легкомысленными и непостоянными въ поступкахъ, если не недостатокъ самопознанія? Что подвергаетъ увлеченію страстей въ различныхъ случаяхъ жизни? Отчего мы такъ опрометчивы и неосмотрительны въ нашемъ поведеніи, такъ тщеславны и самонадѣяны, такъ взыскательны и злобны, такъ вспыльчивы и самоувѣренны? Отчего такъ мало общепользны, такъ недовольны собою, такъ ошибочны въ нашихъ понятіяхъ объ истинной религіи, такъ лѣнны и нерасположены къ благочестивымъ упражненіямъ и, наконецъ, такъ неготовы къ смерти и и боимся умереть? Я спрашиваю: отчего все это происходитъ, если не отъ незнанія себя—этого перваго и обильнаго источника многочисленныхъ золъ? И дѣйствительно, весьма немногіе изъ нихъ можно приписать чему-нибудь другому. Короче, незнаніе себя скоту уподобляетъ человѣка, „и человѣкъ въ чести сый не разумѣлъ (самого себя), сравнялся со скотами несмысленными и уподобился имъ“ Псал. X VII. 21.

„Войди же въ себя, о разсѣянная и небрежная душа моя! Не теряйся въ дикой пустынѣ, или въ

„шуму непристойныхъ и пустыхъ развлеченій. Дѣ-
„ло твое ближе къ тебѣ: страна для твоего путе-
„шествія и наблюденій въ тебѣ самой, откуда ты
„должна перейти и въ высшій міръ; но теряясь
„въ здѣшнемъ внѣ себя, ты неожиданно можешь
„очутиться въ низшемъ. Пусть же глаза безумцевъ
„разбѣгаются по краямъ земли; оставь людямъ жить
„внѣ самихъ себя, но ты останься дома и думай
„о своемъ собственномъ дѣлѣ: наблюдай себя и
„за своими поступками, наблюдай свою природу,
„и ты найдешь много занятій для самыхъ дѣя-
„тельныхъ твоихъ мыслей. Ты хочешь восхищать-
„ся чудесами природы; посмотри же внимательно
„и на чудеса твоей собственной натуры. Ты сама
„компендій—сводъ всего, что ты изучаешь; онъ
„близокъ къ тебѣ, онъ въ тебѣ самой. Существо
„твое есть *эпитоме*—сокращеніе міра. Нужда или
„обязанность, натура или благодать, разумъ или
„вѣра, внутреннія ли искушенія, внѣшнія ли впе-
„тлѣнія, или вѣчные вопросы будутъ опредѣлять
„кругъ твоихъ упражненій и ученія,—собери до-
„мой разбѣянные твои мысли и займи ихъ собою
„и Богомъ.“ (*Бакстеръ о вредѣ незнанія себя*).

Итакъ, рѣшимся съ сего времени изученіе са-
михъ себя сдѣлать главнымъ занятіемъ нашей жиз-
ни, такъ чтобы, съ помощію Божіею, мы могли дойд-
ти до такой степени самопознанія, чтобъ быть увѣ-
ренными въ Его благодѣянія, о которыхъ мы
говорили выше. Съ этою цѣлію, въ слѣдующихъ
главахъ мы предложимъ нѣкоторое руководство.

ГЛАВА I.

Для самопознанія необходимо испытаніе себя.

1) „Первое, необходимое условіе для самопозна-
нія есть наблюденіе за собою.“ Намъ надо чаще
смотрѣть въ свое сердце, если мы хотимъ знать
его. Оно весьма обманчиво, болѣе нежели иной по-
лагаетъ, пока самъ не проникнетъ, не испытаетъ
его и не будетъ наблюдать за нимъ. Мы можемъ
встрѣтить отъ людей обманы и коварство, но
сердце наше гораздо болѣе насъ обманываетъ, и
мы никого не должны столько опасаться, какъ са-
михъ себя. Прежде намъ слѣдуетъ не довѣрять
себѣ, потомъ испытать себя, затѣмъ наблюдать за
собою, если хотимъ узнать себя,—безъ знаком-
ства съ собою, возможно ли самопознаніе?

Если человѣкъ занялся этимъ, то „не нужно бы
„ему жить до тридцати лѣтъ, чтобъ усомниться: не
„глушь ли онъ, и до сорока, пока онъ не-
„удостоверится въ этомъ.“ *Ночныя размысле-
нія Юна Ч. I.*

Люди никогда бы не были так дурны, еслибы позаботились заняться самопознаниемъ. Стоило бы каждому размыслить: что я былъ, что я теперь и чѣмъ я буду? Это первый и необходимый шагъ къ самопознанію, а потому мы и позволимъ себѣ разсмотрѣть его нѣсколько подробнѣе.

1) Это занятіе требуетъ особеннаго прилежанія и вниманія, иначе сердце обманетъ насъ прежде, нежели мы испытаемъ себя. „Когда мы начнемъ „размышлять объ этомъ, то разныя мелочи готовы помѣшать намъ и отвлечь насъ отъ того, чтобы „собраться съ мыслями какъ должно. Мы сами „бѣжимъ отъ себя и рады, что отвлекаемся отъ „строгаго испытанія своего состоянія, которое, я „увѣренъ, еслибы мы прилежно имъ занялись, „представило бы намъ много такого, отъ чего „намъ стало бы и стыдно и грустно и такъ оскорбило бы нашъ взглядъ на самихъ себя, что, „конечно, намъ сдѣлалось бы тяжело заняться „этимъ необходимымъ дѣломъ“. *Степана Оола Кемпійскій.*

Итакъ, не будемъ обольщать себя: дѣло это очень нелегкое, и надо много труда и усилія, чтобы остановить вниманіе на одномъ предметѣ, особенно же сохранить при томъ безпристрастіе. Вотъ почему многіе отвращаются отъ такого испытанія и не хотятъ войти въ самихъ себя.

Читатель! сдѣлай опытъ, войди въ себя и испыттай не возжешь ли ты въ себѣ хоть искру свѣта и предложи себѣ слѣдующіе необходимые вопросы:

„Что я? Для чего я созданъ, и для чего я для до сихъ поръ сохраненъ моимъ Создателемъ? Вспоминалъ ли, или вовсе забылъ я объ этой цѣли? Стремился ли къ ней, или отвращался отъ нея? Что я сдѣлалъ во всю жизнь мою? Какая польза людямъ, или мнѣ самому, что я прожилъ столько лѣтъ на свѣтѣ? Къ чему я направляю всѣ мои дѣйствія и увѣренъ ли я, что они выдержатъ испытаніе въ будущемъ? Въ такомъ ли я состояніи, въ какомъ бы желалъ умереть? Не удаляй отъ себя мысли объ этой важной минутѣ, или не смотри на нее легкомысленно. Можешь ли ты укрѣпиться такъ, чтобы мужественно противиться страху смерти? И увѣренъ ли ты, что опоры, на которыя теперь полагаешься, не измѣнятъ тебѣ? Чего ты надѣешься въ вѣчности? Имѣешь ли ты истинно святой, богоподобный нравъ, который одинъ только можетъ приготовить тебя къ наслажденію Богомъ? О какомъ мірѣ ты болѣе печешься?—Какіе предметы сильнѣе въ тебя впечатлѣваются? Вспомни твое достоинство, душа моя! Сцена скоро перемѣнится. Для чего забывать тебѣ, что ты бессмертна?“

2) Такое самоиспытаніе надо стараться чаще повторять. Тѣ, у кого на рукахъ много важныхъ дѣлъ, часто повѣряютъ ихъ, приводятъ въ порядокъ и не запускаютъ ихъ, чтобы не забыть объ нихъ. Привычка къ этой трудной обязанности облегчаетъ ее и доставляетъ удовольствіе.

При утреннемъ уединеніи, прилично напомнить

себѣ, что едва ли я сохраню такое же спокойствіе и то же расположеніе духа въ продолженіе дня, когда встрѣтятся мнѣ какія-нибудь непріятности, или нападки на мою слабую сторону. Тогда будь самъ на сторожѣ. Но хотя бы и не случилось ничего, что могло бы разстроить насъ, все же мы едва ли сохранимъ себя въ одномъ расположеніи. Мысли наши будутъ сообразны съ быстротою волненія крови, расположеніе духа, большею частію, подѣ влияніемъ животныхъ силъ, а душа яснѣе, или мрачнѣе, смотря по болѣе легкому, или флегматическому нраву; наклонности наши чище, или безпорядочнѣе, сообразно тому, медленно, или живо будутъ обращаться животныя влаги, какая бы ни была тому непосредственная причина или поводъ. По сему мы должны рѣшиться избѣгать всѣхъ случаевъ, способныхъ возбудить въ насъ волненіе, отъ чего тотчасъ приходятъ другія мысли и желанія, которыя, при удобномъ случаѣ и сильномъ искушеніи, помрачаютъ умъ и рѣшимость нашу и вводятъ въ такіе грѣховныя соблазны, которые уязвляютъ совѣсть, пятняютъ душу и, при хладнокровномъ сознаніи, заставляютъ горько въ нихъ раскаяваться. Благочестивыя мысли и намѣренія съ утреннею молитвою, какъ стражи надъ душою, могутъ укрѣплять ее противу всѣхъ дневныхъ искушеній.

Такого самонаблюденія не надо оставлять и при вечернихъ молитвахъ, когда мы должны дать себѣ отчетъ въ поступкахъ прошедшаго дня: въ какомъ

мы были нравѣ и расположеніи и при какихъ случаяхъ? Этотъ совѣтъ достоинъ христіанина, хотя онъ написанъ язычникомъ, чтобы, прежде нежели уснемъ, пересмотрѣть все случившееся съ нами въ продолженіи дня, и если сдѣлали что нибудь доброе, то были бы тѣмъ довольны, а если чего не исполнили, то постарались бы вознаградить это, такъ, чтобы ошибки одного дня могли служить указаніемъ на исправленіе ихъ въ слѣдующемъ. Такое практическое упражненіе совѣтовали многіе знаменитые, нравственные языческіе писатели, каковы: Плутархъ, Эпиктетъ, Маркъ Аврелій и въ особенности Пифагоръ въ его изреченіяхъ, переданныхъ подѣ его именемъ, и извѣстныхъ подѣ названіемъ *Золотыхъ стиховъ*; въ нихъ онъ совѣтуетъ ученикамъ, каждый вечеръ, припомнить все, случившееся въ продолженіи дня и сдѣлать себѣ слѣдующіе вопросы:

„Въ чемъ я преступилъ въ нынѣшній день? Что „я сдѣлалъ? — Какой обязанности не исполнилъ? „и пр. Сенака совѣтуетъ тоже; онъ говоритъ: „Секцій поступалъ такъ: при окончаніи дня, прежде нежели идти на покой, онъ обращался къ „душѣ своей такимъ образомъ:— „Какой изъ твоихъ недостатковъ ты нынче исправила? Какому „пороку противостала? Въ какомъ отношеніи ты „сдѣлалась лучше? Страсть прекращается, или „охладѣваетъ, когда ежедневно призываютъ ее къ отвѣту“. Что можетъ быть полезнѣе этого постоянного навыка провѣрять каждый прошедшій день?

„Я самъ такъ же поступаю, (говорить Сенека), и „вечеромъ, когда все вокругъ меня успокоится и „смолкнетъ, провѣряю мой день, прохожу въ мы- „сляхъ мои слова и поступки, ничего отъ себя не „скрывая, и не извиняя моихъ ошибокъ изъ стра- „ха. И на что страхъ, когда я самъ могу сказать „себѣ: на сей разъ я прощаю тебя, но смотри не дѣлай этого впредь“. „Въ такомъ то спорѣ я „слишкомъ горячился; на будущее время не спорь „съ невѣждами, ты ихъ не убѣдишь; потому что „они не хотятъ видѣть своего невѣжества.... Та- „кого-то я слишкомъ свободно обличалъ, и этимъ „не исправилъ, а только раздражилъ его; а по- „тому, не забудь быть снисходительнѣе въ тво- „ихъ упрекахъ и думай не только о томъ, чтобъ „высказать правду, но въ состоянн ли ее вы- „слушать тотъ, кому ты говоришь“. *Seneca de ira. lib 3 cap. 36.* Вотъ слова высокаго нраво- ученія!

Приведемъ примѣръ и изъ другаго, болѣе благо- честиваго и христіански мудраго писателя.

„Нынче, вставши поутру, вмѣсто того, чтобы „обратиться съ молитвою къ Богу (что я всегда „признаю за лучшее послѣ немногихъ внутрен- „нихъ размышленій), я предался ничтожнымъ мыс- „лямъ, которыя сильно возмутили мое сердце и „весь составъ мой. Какъ часто я терпѣлъ въ та- „кихъ случаяхъ отъ моей неосторожности“.

„Буду ли же я благоразумнѣе? Весь нынѣшній „день я провелъ въ такихъ мелочныхъ занятіяхъ,

„что стыдно самого себя: я лежалъ въ постелѣ, „когда бы мнѣ должно было стоять на колѣняхъ; „утренняя молитва была холодна, я весь день „былъ крайне неостороженъ въ моихъ дѣлахъ и „разговорахъ, особенно въ.... Я занимался са- „мыми глупыми мыслями и низкимъ, и игрѣховными и „т. п.; я увлекся обыкновенными разговорами, зло- „слова другихъ и упрекая ближнихъ. Я уже не „разъ впадалъ въ этотъ грѣхъ, и вотъ опять под- „вергся ему. Какъ обманчиво мое сердце!... Я нѣ- „сколько часовъ потерялъ нынче въ праздности „и пустякахъ!... Нынче я имѣлъ доказательство „въ такой моей слабости, какой и не подозрѣвалъ „въ себѣ, и сознаюсь, что за это я заслуживаю „униженія.... Поступокъ *такого-то*, отъ котораго „я не могъ и ожидать ничего, кромѣ нескромности „и глупости, сильно раздражилъ меня, тогда какъ „меня неоднократно предостерегали отъ него. О, „какое я бѣдное, слабое и жалкое созданіе!“

„Нынче я особенно удерживался отъ моихъ обы- „кновеній паденій!—Нынче, при извѣстномъ важ- „номъ случаѣ, я испыталъ надъ собою особенную „милость Божию! Какъ мнѣ не благодарить за нее?“ *(Bonnet, christ. orat.)*.

Приступая къ такому суду самого себя, необ- ходимо, чтобы духъ нашъ былъ, сколь возможно, покоенъ и ничѣмъ не озабоченъ; для этого выби- рай такое время, когда ты наиболѣе спокоенъ отъ страстей и свободенъ отъ дѣлъ и заботъ житей- скихъ. Трудно судѣть хорошо рѣшить дѣло, когда,

напившись, онъ нетрезвъ, или развлеченъ другими предметами, тогда какъ дѣло требуетъ всего вниманія. Вспомни, что ты судишь самого себя и тебѣ надо думать только о томъ, чтобы, понявши ясно все, что совѣсть говорить за, или противъ тебя, произнести справедливый судъ, который теперь для тебя всего важнѣе, и потому долженъ производиться съ возможною осторожностію, осмотрительностію и вниманіемъ.

4) „Въ особенности, при этомъ тяжеломъ дѣлѣ, остерегись отъ самохвальства, которое, если ты не остережешься, тотчасъ введетъ въ самообольщеніе, слѣдствія коего могутъ быть для тебя гибельны“. Старайся увидѣть себя, какъ ты еси, и видѣть вещи въ настоящемъ ихъ свѣтѣ, а не такими, какими бы тебѣ хотѣлось. Замѣть при этомъ, что мы способны принимать за справедливое то, что мы хотимъ видѣть такимъ, и, наоборотъ, не признавать за истинное то, что намъ не нравится. Этому вліянію, конечно, подвергнешься и ты при самоиспытаніи. Не бойся быть слишкомъ строгимъ къ себѣ, скорѣе опасайся быть снисходительнымъ въ сужденіи твоёмъ. Конечно, судья не долженъ склоняться ни на ту, ни на другую сторону и не смотрѣть на лица подсудимыхъ. Но здѣсь ты самъ и подсудимый, и судья, а потому скорѣе можешь опасаться пристрастнаго рѣшенія. Но не забудь, что твой долгъ судить о томъ, что открыто при изслѣдованіи дѣла, и какъ бы ты его здѣсь ни рѣшилъ, но оно будетъ пересматри-

ваться въ другомъ судѣ, гдѣ рѣшеніе постановится сообразно съ правдою.

„Впрочемъ будь одинаково справедливъ и къ доброму и къ худому, какъ оно есть въ тебѣ. Если ты смотришь только на одно хорошее въ себѣ и не замѣчаешь дурнаго, или наоборотъ, изыскиваешь въ себѣ одни недостатки, не обращая вниманія на добрыя качества, то въ обоихъ случаяхъ это не поведетъ тебя къ истинному самопознанію“. *Бакстера Director.*

А чтобы довести себя до такого безпристрастія, вспомни, что это дѣлается не въ тайнѣ, хотя и скрыто отъ міра. Богъ видитъ тебя прежде, нежели ты предстанешь на его праведный судъ. Сенека говоритъ: „мы должны такъ располагать мыслями, „какъ будто кто-то смотритъ во внутренность души нашей и видитъ ихъ. Что пользы въ томъ, что наши помыслы скрыты отъ людей? „Предъ Богомъ нѣтъ ничего сокровеннаго“. *Senec. Epist. 83.*

5) „Остерегись ложныхъ правилъ въ твоёмъ сужденіи“. — Это обыкновенный путь къ самообольщенію; напр. многіе судятъ о себѣ по тому, какими они были. Но изъ того, что иные не столь дурны, какъ были прежде, еще не слѣдуетъ, что они стали такъ хороши, какъ быть должно. Ошибочно смѣшивать прошедшее съ настоящимъ, или по настоящему судить о будущемъ, когда и прошедшее, и настоящее, и будущее поведение должно оцѣниваться не по однимъ и тѣмъ же пра-

виламъ. „Тѣ, которые измѣряютъ себя сами собою и сравниваютъ себя съ собою, неблагоразумны“. *2 Коринѣ. X. 12.*—„Ибо мы не смѣемъ сопоставлять, себя съ тѣми, которые сами себя выставляютъ. Они измѣряютъ себя самими собою, и сравниваютъ себя съ собою неразумно.“ Иные готовы судить о себѣ по мнѣнію другихъ; это самое ошибочное правило, потому что вы можете ошибиться въ ихъ мнѣніи. Почему вы увѣрены, что они дѣйствительно такъ хорошо думаютъ о васъ, какъ говорятъ? Но если и такъ, то не думаютъ ли другіе о васъ хуже? — И почему вы вѣрите больше мнѣнію однихъ, нежели другихъ? Пусть отвѣчаетъ на это ваше самообольщеніе. Можетъ быть, ни тѣ, ни другіе и себя не знаютъ, то какъ же они могутъ знать васъ? Возможно ли, чтобъ имъ болѣе представлялось случаевъ узнать васъ, нежели вамъ самихъ себя? Человѣкъ никогда не узнаетъ себя по мнѣнію другихъ о немъ, которое бываетъ различно и неосновательно; потому что люди обыкновенно судятъ по наружности, или по предположенію, а потому и думаютъ, и говорятъ о насъ чаще на угадъ. Иные судятъ о себѣ по поведенію своихъ начальниковъ, которые имѣютъ болѣе удобствъ и случаевъ лучше знать себя, дѣйствовать и быть лучше другихъ. „Что же? говорятъ они,—безъ хвастовства сказать, мы не хуже ихъ“. — Но къ чему это? Можетъ быть ни вы, ни они, не имѣете въ своемъ характерѣ тѣхъ качествъ, которые необходимы для того, чтобы быть такими,

какими вы должны быть для вашего счастья. И посмотрите: какъ легко это доказательство можетъ быть обращено противъ васъ.—Вы говорите, что они имѣютъ болѣе удобствъ и случаевъ быть лучше васъ, и на этомъ основываетесь; но и вы имѣете болѣе случаевъ и средствъ, нежели другіе, чтобъ быть лучше ихъ, а между тѣмъ они лучше васъ, слѣдовательно правило ваше неосновательно. Такъ иные судятъ о себѣ по общепринятымъ въ народѣ, пошлымъ понятіямъ о чести, честности, добродѣтели и выгодахъ, хотя эти понятія противны и уму, и совѣсти, и св. Писанію, но люди слѣдуютъ имъ; потому что это даетъ имъ болѣе простора въ дѣйствіяхъ. Они думаютъ: если многочисленный, низшій классъ народа находить, что мы правы, то нѣтъ никакой надобности быть къ себѣ строже, а что касается до другихъ, съ болѣе утонченными и нѣжными чувствами, то они могутъ ошибаться, или слишкомъ многого требуютъ отъ насъ. При такомъ убѣжденіи, они опираются на то, что большинство людей нисколько не презираетъ ихъ за то, за что люди, съ болѣе утонченными чувствами, осуждаютъ ихъ, какъ гнусныхъ преступниковъ. Я не стану говорить, какъ ложно и губительно такое правило.

Иные судятъ о себѣ и своемъ состояніи по впечатлѣнію, неожиданно на нихъ сдѣланному, или по сильному потрясенію духа, въ чемъ видятъ перстъ Божій, и, пробужденные при этомъ, они несомнѣнно признаютъ эту минуту за начало своего обра-

щенія. Но было ли это началомъ обращенія, или нѣтъ, о томъ можно судить только по послѣдовавшему затѣмъ образу жизни. Другіе судятъ о своемъ хорошемъ состояніи по нѣкоторымъ добрымъ минутамъ, хотя и рѣдко случающимся, и скоро преходящимъ, какъ утреннее облако, или ранняя роса.

„Мы должны судить о себѣ не почему-нибудь „необычайному, или чрезвычайному, но по обыкновенному теченію нашей жизни. И дурной человекъ можетъ иногда показаться въ чемъ-нибудь „хорошимъ и, наоборотъ, добрый человекъ, въ обыкновенныхъ случаяхъ, — подвергнуться паденію; „но судить объ нихъ по этому было бы ошибочно“. *Бакстеръ Director*. Такъ точно можете вы обмануться и въ самомъ себѣ. И Фараонъ, и Ахавъ, и Иродъ, и Феликсъ имѣли минуты хорошаго расположенія и мимолетныя вспышки доброты, но оставили о себѣ воспоминаніе, какъ о самыхъ дурныхъ характерахъ.

Вотъ всѣ ошибочныя правила для сужденій. Вѣрить имъ и руководствоваться ими, значило бы вводить себя въ жалкое самообольщеніе.

6) „При самоиспытаніи, надо не только остерегаться не судить по ложнымъ правиламъ, но судить справедливо и по истиннымъ правиламъ, а потому вы должны вполне съ ними познакомиться.“ Долгъ судьи не только разъяснить всѣ обстоятельства дѣла, но и знать законы, съ какими надо ихъ свѣрить.

Для самопознанія мы можемъ, при испытаніи себя, руководствоваться только правилами разума и св. Писанія. Нѣкоторые отстраняютъ эти правила, находя ихъ слишкомъ строгими и стѣснительными для своего распутства, и слишкомъ узкими для ихъ широкаго пути, и что они противны разуму, если собственный ихъ разумъ не соглашается съ ними; или называютъ ихъ слишкомъ матеріальными, а потому и противны св. Писанію, тогда какъ оно для нихъ мертвая буква. И такъ, вмѣсто того, чтобы убѣдиться въ своихъ ошибкахъ, они пренебрегаютъ единственными средствами къ исправленію себя.

Какъ одни стараются отдалить отъ себя руководство этими правилами, такъ другіе хотятъ противопоставить ихъ одни другимъ: разумъ противъ св. Писанія, а св. Писаніе противъ разума, тогда какъ они даны намъ Богомъ не только какъ совершенно совмѣстныя, но и для взаимнаго поясненія и украшенія одного другимъ, чтобы предотвратить ошибочное ихъ употребленіе.

Взятыя совокупно, (какъ это и должно быть) они составляютъ самое полное и единственное руководство къ сужденію о самихъ себѣ, какъ о разумныхъ и падшихъ тваряхъ, и обо всемъ, что касается до нашего спасенія.

1) Итакъ, одну половину того, что Богъ далъ намъ для руководства въ сужденіи себя, составляетъ здравый разумъ, понимая подъ этимъ не частную разумность чью-нибудь, которая можетъ

быть несходна съ разумностію другаго, и у обоих несогласна съ здравымъ разумомъ, находясь не столько подъ вліяніемъ ума и натуры вещей, сколько подъ обладаніемъ страстей. Подъ именемъ здраваго разума я признаю тѣ общія начала, которыя легко доступны всѣмъ, способнымъ понимать ихъ и не извращены явными предубѣжденіями. Они утверждены согласіемъ всѣхъ здравомыслящихъ людей и легко могутъ быть изучены при свѣтѣ натуры. Посему, если какое-нибудь ученіе, хотя бы предполагалось, что оно основано на началахъ чистаго разума, и ссылалось на Откровеніе, но если оно явно отвергаетъ эти начала, или видимо противорѣчитъ самымъ естественнымъ понятіямъ о свойствахъ существа Божія, или ослабляетъ наши обязанности быть вообще добродѣтельными: то можемъ быть увѣрены, что этого нѣтъ въ Откровеніи; иначе одна часть того, чѣмъ мы должны руководствоваться, была бы противоположна другой. Посему-то здравый разумъ можетъ быть нашею охраной отъ дикаго и своевольнаго искаженія св. Писанія.

2) Другая половина руководства заключается въ св. Писаніи; имъ мы должны пользоваться, какъ охраною противъ своевольныхъ порывовъ воображенія, которое часто дѣйствуетъ у насъ вмѣсто разума.

Для того, кто просто, безъ всякаго предубѣжденія, читаетъ и изучаетъ св. Писаніе, очень странно видѣть: какія изысканныя, тонкія и хитросплетенныя примѣчанія многіе стараются придать

нѣкоторымъ текстамъ, какъ бы для истолкованія ихъ истиннаго и кореннаго смысла, а дѣлая это единственно потому, чтобы доставить пріятность своей сектѣ, отъ которой, какъ отъ знамени правосвѣрія, они никогда не хотятъ отступить.

Если мы не хотимъ изказать нашихъ правилъ, то должны думать такъ, какъ говорить св. Писаніе, а не заставлятъ его говорить такъ, какъ мы думаемъ. Если бы мы захотѣли узнать себя, то намъ слѣдовало бы чаще смотрѣться въ зеркало слова Божія; вслѣдствіе того мы стали бы строже наблюдать за собою и не скоро бы забывали какъ-вы мы. У Апостола *Іакова 1. 23, 24.* „сказано: „кто слушаетъ слово, и не исполняетъ; тотъ подобенъ челоуѣку, разсматривающему природныя „черты лица своего въ зеркалѣ.—Онъ посмотритъ „на себя, отошелъ, и тотчасъ забылъ, каковъ онъ.“ Если же образъ нашъ не нравится намъ, то нечего сердиться на зеркало, а лучше постараться исправить себя.

Око ума тѣмъ отличается отъ тѣлеснаго глаза, что этотъ видитъ все, кромѣ себя; но умное око обращается внутрь и наблюдаетъ себя; и хотя это свойственно ему, но оно лучше себя видитъ, когда собственный его образъ будетъ отражаться въ немъ отъ зеркала св. Писанія. Только такимъ образомъ мы можемъ проникнуть въ глубину нашихъ сердецъ и открыть ихъ тайныя предубѣжденія и

плотскія наклонности, скрываемыя отъ насъ самолюбіемъ.

Итакъ, вотъ первое, что мы должны дѣлать для самопознанія: мы должны допрашивать, излѣдовать и судить себя прилежно, терпѣливо, часто и безпристрастно, и притомъ не по ложнымъ, мірскимъ началамъ, а руководствуясь данными намъ отъ Бога: разумомъ и св. Писаніемъ, и не ставя ихъ въ противорѣчіе между собою. Весьма важная степень въ самопознаніи будетъ предметомъ слѣдующей главы.

ГЛАВА II.

Постоянное наблюденіе за собою необходимо для самопознанія.

„Если хотимъ знать себя, то должны очень наблюдать за своимъ сердцемъ и жизнію.“

1) Мы должны быть весьма бдительны за нашимъ сердцемъ, т.-е. за нашимъ нравомъ, наклонностями и страстями. Соломонъ въ притчахъ IV, 23 даетъ необходимый для этого совѣтъ. „Со всѣмъ тщаніемъ блюди твое сердце“. Можетъ быть вы пренебрегаете этимъ совѣтомъ, или легко смотрите на него, но будьте увѣрены, что онъ относится и до вашего сердца. Наблюдайте ближе за всѣми его склонностями и отвращеніемъ, за всѣми его движеніями и пристрастіями, а вмѣстѣ и за тѣми предметами, которые ихъ возбуждаютъ и при какихъ случаяхъ. Это правило подтверждается и въ св. Писаніи по двумъ важнымъ причинамъ: во первыхъ потому, что изъ сердца исходитъ жизнь *Притч. IV. 20—27*: „Сынъ мой, внимли словамъ моимъ; къ изрѣченіямъ моимъ приклони ухо твое. Пусть не отходятъ онѣ отъ глазъ

твоихъ; храни изъ внутри сердца своего. Ибо онѣ суть жизнь для того, кто нашелъ ихъ, и врачество для всего тѣла его. Паче всего хранимаго, храни сердце твое; ибо изъ него источники жизни. Отвергни отъ себя лживость устъ, и невѣрность языка удали отъ себя. Глаза твои пусть смотрятъ всегда прямо; и рѣсницы твои пусть правятъ взоръ твой впередъ. Възвѣшивай стезю ноги твоей; и всѣ пути твои да будутъ тверды. Не уклоняйся ни на право, ни на лѣво, удаляй ногу твою отъ зла“, т.-е. каково сердце, такова наша жизнь и поведеніе. Каковъ источникъ, такова и вода; каково сѣмя, таковъ и плодъ. *Матѳ. VII. 17—20.* „Такъ всякое дерево доброе приносить и плоды добрые; а худое дерево приносить и плоды худые. Не можетъ дерево доброе приносить плоды худые; ни дерево худое приносить плоды добрые. Всякое дерево, не приносящее плода добраго, срубають, и бросаютъ въ огонь. И такъ по плодамъ ихъ узнаете ихъ“. Другая причина: „сердце всего обманчивѣе“ *Іерем. XVII. 9.* „Сердце лукавѣе всего, и крайне испорчено“. Слѣдовательно, безъ постояннаго за нимъ наблюденія, мы непримѣтно можемъ впасть въ самые опасные обманы самихъ себя. Къ этому я могу прибавить только, что безъ наблюденія за сердцемъ, мы никогда не достигнемъ ни познанія себя, ни самообладанія.

2) Для познанія себя мы должны столько же наблюдать и за нашею жизнію и поведеніемъ, сколько за сердцемъ. По нимъ мы лучше узнаемъ

и сердце, какъ сѣмя по плоду. Приступая къ какому-нибудь дѣлу, мы прежде всего должны вникнуть въ его сущность и послѣдствія, и увидѣть: какимъ оно окажется, при безпристрастномъ его разсмотрѣніи. Мы очень способны наблюдать за поведеніемъ другихъ, а благоразумный человѣкъ смотритъ и строго наблюдаетъ за своимъ. И дѣйствительно, намъ больше нужно заботиться о своемъ поведеніи, нежели о чужомъ; мы будемъ отвѣчать за себя, а не за другихъ. Если, наблюдая другаго, мы узнаемъ его, то наблюдая прилежно за собою, мы можемъ познать и себя.

ГЛАВА III.

Мы должны обращать вниманіе на мнѣніе объ насъ и другихъ людей, особенно нашихъ враговъ.

„Если хотимъ знать себя, то не всегда можемъ пренебрегать мнѣніемъ другихъ, или ихъ отзывами объ насъ.“

Мы не имѣемъ нужды добиваться одобренія и похвалъ отъ міра, которыя, по большей части, или слишкомъ поспѣшны, или ошибочны, смотря по особенному настроенію и предрасположенію людей. Человѣкъ, знающій себя, тотчасъ съумѣетъ пренебречь ими. Монтанъ говорить: „свѣтское сужденіе „о насъ нисколько намъ не полезно, оно ничего „не прибавляетъ ни душѣ, ни тѣлу и не уменьшаетъ ни одного изъ нашихъ недостатковъ. Пусть „же людскія одобренія идутъ себѣ, какъ хотятъ.“

Но я нахожу, что совершенное равнодушіе къ общественному мнѣнію было бы неблагоприятно. Намъ не слѣдуетъ быть совсѣмъ нечувствительными къ отзывамъ другихъ, даже къ насмѣшкамъ нашихъ непріятелей; потому что врагъ иногда мо-

жетъ указать намъ на такой недостатокъ, о которомъ мы должны хладнокровно подумать съ собою: нѣтъ ли дѣйствительно его въ насъ и въ нашемъ поведеніи и нравѣ, и что подало поводъ открыть его? На этотъ разъ врагъ сдѣлалъ мнѣ такую пользу, о которой бы я и не думалъ; онъ, при случаѣ, открылъ во мнѣ то, чего я и не подозревалъ прежде. У кого нѣтъ враговъ, тому хорошо имѣть добрыхъ друзей, а если ихъ нѣтъ, то не почитать за несчастіе, если враги будутъ служить ему лучшими наставниками. „Друзья наши, говоритъ Аддисонъ, часто льстятъ намъ также, какъ и сердце наше. Они, или не видятъ нашихъ недостатковъ, или скрываютъ ихъ отъ насъ, или такъ нѣжно касаются до нихъ, что мы не обращаемъ на то вниманія. Напротивъ, непріятель такъ строго наблюдаетъ насъ, что замѣчаетъ малѣйшую слабость, или недостатокъ въ нашемъ нравѣ, и хотя выставляетъ его въ преувеличенномъ видѣ, но все же имѣетъ для того какое нибудь основаніе. Другъ преувеличиваетъ наши добродѣтели, а врагъ пороки; умный человѣкъ не долженъ пренебрегать ни тѣмъ, ни другимъ; потому что это можетъ служить ему къ усовершенствованію первыхъ и къ уменьшенію послѣднихъ. Плутархъ написалъ сочиненіе о благодѣяніяхъ, какія человѣкъ можетъ получить отъ враговъ своихъ, и, въ числѣ добрыхъ плодовъ непріязни, особенно замѣчаетъ то, что, при упрекахъ врага, мы видимъ самую худшую свою сторону и открываемъ глаза

на многія пятна и недостатки въ нашей жизни и поведеніи, чего бы мы и не увидѣли безъ такихъ нерасположенныхъ къ намъ наставниковъ.“

„Равнымъ образомъ, чтобы дойти до самопознанія мы, съ другой стороны, должны обратить вниманіе и на то: до такой степени можемъ воспользоваться тѣми одобреніями и похвалами, какія отдаютъ намъ въ свѣтѣ? Хвалимыя дѣйствія наши произошли ли изъ побужденій достойныхъ похвалы, и дѣйствительно ли мы обладаемъ тѣми добродѣтелями, за которыя насъ прославляютъ люди, къ намъ близкіе? Такое размышленіе необходимо, чтобы увидѣть: сколько мы способны цѣнить, или охуждать себя по мнѣнію другихъ и жертвовать убѣжденіями сердца мірскому объ насъ сужденію.“
Spectator № 399.

Только развратный человѣкъ можетъ быть совершенно нечувствителенъ ко всему, что люди говорятъ объ немъ. Это показываетъ такую самоувѣренность въ знаніи себя, какая служить лучшимъ признакомъ нашего незнанія. Знающій себя менѣе всего думаетъ о себѣ свысока. Истинное самопознаніе есть такая глубокая и трудная наука, что благоразумный человѣкъ никогда не будетъ слишкомъ довѣрять себѣ, или думать, что всѣ его понятія о себѣ справедливы, несмотря на противное мнѣніе другихъ, имѣвшихъ болѣе случаевъ узнать его лучше, нежели онъ самъ себя; потому что они глядѣли на него безъ его самообольщенія.

ГЛАВА IV.

Частое обращеніе съ людьми высшихъ достоинствъ помогаетъ самопознанію.

„Хорошимъ средствомъ къ самопознанію служитъ частое обращеніе съ людьми высшихъ, существенныхъ достоинствъ“.

„Обращающійся съ премудрыми премудръ будетъ. *Притч. XIII. 21.* Примѣръ ихъ не только поощряетъ къ похвальнымъ дѣйствіямъ, но служитъ зеркаломъ нашего ума, въ которомъ мы можемъ разсмотрѣть нѣкоторыя наши слабости, недостатки или нерадѣніе, ускользнувшіе отъ нашего вниманія. Вы скорѣе увидите неблагоразуміе своего тщеславія и самодовольства, когда замѣтите, сколь много другіе превосходятъ васъ и познаніями и добротой. При ихъ достоинствахъ, вамъ виднѣ будутъ ваши недостатки, при красотѣ ихъ добродѣтелей — безобразіе вашихъ пороковъ, при ихъ прилежаніи — ваша лѣность, при ихъ смиреніи — ваша гордость, при ихъ кротости — ваша вспыльчивость, при ихъ мудрости — ваше безумство.

Примѣры не только поощряютъ насъ, но они учатъ и дѣйствуютъ на насъ убѣдительнѣе нежели наставленія; они не только показываютъ, что такіа то добродѣтели могутъ исполняться, но и какъ, и сколь онѣ любезны, когда приводятся въ исполненіе. Посему, если мы не всегда можемъ ихъ имѣть предъ глазами, то должны стараться не престанно имѣть ихъ въ умѣ своемъ, и особенно образъ нашего Господа, который оставилъ намъ драгоценный примѣръ самаго непорочнаго поведения среди наихудшихъ обстоятельствъ человеческой жизни.

ГЛАВА V.

Надобно стараться образовать нравъ свой такъ, чтобы онъ наиболѣе располагалъ насъ къ самопознанію.

„Если человѣкъ хочетъ узнать себя, то ему надо съ большимъ стараніемъ заботиться о такомъ улучшеніи своего нрава, чтобы онъ располагалъ его къ самопознанію.“

„А какъ гордость и упрямство наиболѣе препятствуютъ самопознанію, то намъ всего полезнѣе смиреніе и готовность къ убѣжденію въ истинѣ.“

1) Ищущій самопознанія предпочтительнѣе всего долженъ искать смиренія. А сколь они близки другъ къ другу, это доказывается тѣмъ, что оба приобрѣтаются однимъ путемъ. Истинныя средства къ достиженію смиренія, вмѣстѣ суть средства и для достиженія самопознанія. Разсматривая ежедневно наши ошибки и недостатки, мы дѣлаемся смиреннѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе узнаемъ себя. Видя, какъ часто нарушаемъ данныя намъ правила и наши обязанности, и какъ далеко въ этомъ превосходятъ насъ другіе, мы, при ежедневномъ,

прилежномъ изученіи Слова Божія, начинаемъ мнѣ о себѣ думать и лучше знакомимся съ самими собою.

Гордый не можетъ знать себя. Превозношеніе есть то бревно въ глазу ума, которое мѣшаетъ ему видѣть порочныя въ немъ пятна. Оттого тщеславіе и высокое о себѣ мнѣніе составляютъ самый вѣрный признакъ незнанія себя.

Самопознаніе и смиреніе дѣйствительно такъ тѣсно связаны между собою, что зависятъ другъ отъ друга и другъ друга поддерживаютъ. Человѣкъ, знающій себя, знаетъ и свою худшую сторону, и потому не можетъ не быть смиреннымъ; при частомъ же осматриваніи своихъ ошибокъ и пороковъ, смиренный духъ много успѣваетъ и въ самопознаніи, такъ что знакомство съ собою дѣлаетъ человѣка смиреннымъ, а смиреніе помогаетъ лучше узнать себя.

2) Готовность къ убѣжденію въ истинѣ столь же необходима для самопознанія, какъ и смиреніе.

Ничто такъ не препятствуетъ самопознанію, какъ непреклонное упорство въ своемъ мнѣніи и боязнь отойти отъ прежнихъ понятій, которыя мы (прежде нежели въ состояніи были судить о нихъ) долго принимали за истину. Препятствуетъ самопознанію и сильное отвращеніе отъ того, чтобы разстаться съ мнѣніемъ о самихъ себѣ, къ которому мы слѣпо привыкли,—и думать о себѣ хуже, нежели какъ мы обыкновенно думали.

Въ томъ и другомъ случаѣ, нежеланіе отстать

отъ своихъ мнѣній происходитъ отъ одной и той же причины, именно: отъ нежеланія подвергнуться самоосужденію. Рѣшившійся избрать новый путь для мышленія, противоположный тому, какимъ онъ долго шелъ, тѣмъ самымъ сознаетъ, что онъ былъ въ заблужденіи; и кто начинаетъ видѣть свои недостатки, какихъ прежде не примѣчалъ, тотъ осуждаетъ себя за то, что жилъ въ невѣдѣніи о грѣхахъ. Конечно, это дѣло непріятное, и потому наше самообольщеніе возбуждаетъ въ насъ сильное отъ него отвращеніе. Но такое упрямство въ сужденіи и ненависть къ убѣжденію въ истинѣ, есть самый несчастный и отвратительный складъ ума. Человѣкъ, рѣшившійся думать, что онъ ни въ чемъ ни ошибается, весьма далекъ отъ того, чтобы вступить на истинный путь.

Непогрѣшимость не есть удѣлъ человѣческой природы. Если человѣкъ ошибся и готовъ въ томъ сознаться, то это ни сколько не уменьшаетъ ни его здраваго смысла, ни здраваго сужденія. Онъ также дѣйствуетъ спокойно и свободно какъ и прежде, и, кто бы ни былъ его руководителемъ, онъ самъ также руководствуется тѣмъ здравымъ смысломъ и разсудкомъ, которые предохраняютъ его отъ опасности уклониться въ тщеславіе и самомнѣніе. При такой перемѣнѣ чувствъ, открывается въ немъ сознаніе, что и онъ способенъ ошибаться, какъ и всѣ люди. Короче, для человѣка болѣе заслуги, и знакъ его превосходства, когда онъ свободно самъ сознается, что онъ неправъ,

нежели когда остается настойчивымъ и самоувереннымъ при правотѣ своей.

Итакъ, чтобы знать себя, человекъ долженъ прежде захотѣть узнать себя; онъ долженъ открыть глаза, если хочетъ видѣть и доходить до яснаго убѣжденія, хотя бы это досталось ему цѣною собственнаго мнѣнія и пожертвованіемъ своего тщеславія.

ГЛАВА VI.

Чувствовать ложность своихъ знаній есть уже добрый шагъ въ самопознанію.

„Если хотите знать себя, то остерегайтесь ложныхъ познаній“. Смотрите, чтобы свѣтъ, который въ васъ, не сдѣлался тьмою, чтобы любимыя, руководящія вами начала были истинны. Разберите запасъ своихъ свѣдѣній, и посмотрите: чего бы было лучше вовсе не знать? Иногда требуется болѣе мудрости выкинуть изъ себя нѣкоторые знанія, нежели пріобрѣсть новыя. Это показалъThemistocles, отвѣчая предлагавшему научить его все помнить: „Научи меня лучше забывать.“

Студеть, всю жизнь собиравшій книги, наконецъ пересматриваетъ свою библіотеку и находитъ въ ней очень много вздору, по мѣрѣ того какъ измѣняется вкусъ и совершенствуется его разумъ; онъ готовъ выкинуть изъ нея многое, какъ негодное старье, которое, въ свое время, онъ очень цѣнилъ и платилъ за него дорого, и замѣнить его другими, болѣе основательными и полезными сичиненіями. Точно такъ должны поступать мы и съ нашими познаніями. Разсмотри запасъ ума, отдѣли

въ немъ мякину отъ пшеницы и не щади труда, чтобы скорѣе забыть то, чему не слѣдовало бы учиться, а удержи въ памяти то, чего не должно забывать. Заниматься во всю жизнь легкимъ и пустымъ чтеніемъ, значить постоянно обращаться къ играмъ нашей молодости и довольствоваться только первыми недостаточными знаніями; это не развиваетъ нашего разума и весьма препятствуетъ истинному самопознанію. Короче, если мы хотимъ усовершенствовать свой разумъ, имѣя въ цѣли познаніе самихъ себя, то должны быть отнюдь не менѣе осторожны въ выборѣ книгъ для чтенія, какъ и въ выборѣ нашего сообщества.

„Труды, посвящаемые книгамъ, или искусствамъ, въ которыхъ говорится о вещахъ; весьма далекихъ отъ употребленія въ жизни, то же почти, что трудолюбивая праздность. Если я изучаю (говоритъ Монтанъ), то единственно то, что знакомить меня съ собою и научаетъ меня хорошо жить и умереть.“

Неутѣшительное зрѣлище и явное доказательство несовершенства человѣческихъ знаній, когда мы, при ближайшемъ испытаніи нашего запаса, находимъ въ немъ многое, чего не знаемъ, думая знать, и многое знаемъ, чего лучше было бы не знать; когда находимъ, что изъ свѣдѣній, собранныхъ нами изъ книгъ, бѣдная часть есть чистое невѣжество, а многія и хуже невѣжества. Быть къ этому внимательнымъ есть необходимый шагъ къ самопознанію. (см. I част. гл. XIII).

ГЛАВА VII.

При нѣкоторыхъ, неожиданныхъ случаяхъ, намъ нужно особенно наблюдать за собою.

„Когда желаете знать себя, то вамъ нужно тщательно наблюдать за состояніемъ и движеніями души, при нѣкоторыхъ неожиданныхъ случаяхъ.“

Иные, внезапные случаи, совсѣмъ неожиданно встрѣтившіеся, нерѣдко лучше раскроютъ тебѣ тайное свойство и преобладающее расположеніе души твоей, нежели важныя происшествія, къ которымъ мы уже приготовились.

1) Посмотрите, напр., въ какомъ состояніи вы бываете, когда кто нибудь вамъ сдѣлаетъ неожиданное оскорбленіе, или обиду? *Притч. XII. 16:* „у глупаго въ тотъ же часъ выкажется негодованіе его; а разсудительный прикрываетъ обиду“, т. е, глупаго сейчасъ узнаешь по его гнѣву.

Если гнѣвъ тотчасъ въ тебѣ вспыхнетъ, то это знакъ, что тайная гордость скрывается въ глубинѣ сердца, и она, какъ порохъ, мгновенно вспы-

хиваетъ, когда упадетъ въ нее искра оскорбленія. Хотя это можно приписать и натуральному темпераменту, но несомнѣнно, что гордость есть главная причина этого, часто повторяющагося чувства. Гордость и гнѣвъ также связаны другъ съ другомъ, какъ смиреніе и кротость. *Притч. XIII 10.* „Только чрезъ гордость ссора заводится; а у доступныхъ для совѣта премудрость.“ И человекъ не зналъ бы, что за тина лежитъ у него на днѣ сердца, еслибы противорѣчіе не подняло ее на верхъ.

Философъ Афинодоръ, по старости лѣтъ, просилъ уволить его отъ двора Августа, на что императоръ и согласился. При прощаніи, онъ сказалъ ему: „Кесарь, когда вы въ гнѣвѣ, не говорите и не дѣлайте ничего, пока не повторите про себя всѣхъ двадцати четырехъ буквъ азбуки.“ Кесарь, взявши его за руку, отвѣчалъ: „я имѣю нужду, чтобъ ты остался при мнѣ“, — и еще годъ продержалъ его при себѣ. Это изрѣченіе Афинодора уважалось у древнихъ какъ правило мудрости, но христіанинъ можетъ предписать себѣ еще лучшее, именно: — когда ты разсердился, то не отвѣчай, не повторивши пятого прошенія изъ молитвы Господней: „и остави намъ долги наша, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ“, а также изъясненіе Спасителя нашего на это прошеніе: „Если вы прощаете людямъ согрѣшенія ихъ, то и Отецъ небесный проститъ ихъ вамъ; а если не простите людямъ ихъ согрѣшенія, то и Отецъ

небесный не проститъ вамъ согрѣшеній вашихъ.“ *Матѳ. VI, 14. 15.*

Маркъ Антонинъ весьма правильно рассуждалъ о подобныхъ случаяхъ: „Человѣкъ несправедливо поступаетъ относительно меня; — чтожь мнѣ до этого? Это его дѣло и его воля, пусть онъ и смотритъ за ними: ошибка и несправедливость его, а не моя. Что же касается до меня, то я остаюсь въ томъ положеніи, въ какое поставило меня Провидѣніе, и дѣлаю свое дѣло, какъ мнѣ прилично.“ *Разм. кн. V, § 25.*

Это относится только къ философскому презрѣнію несправедливостей и гораздо ниже христіанскаго прошенія, къ коему мы обязаны какъ христіане; и если такими понимаемъ себя, то должны быть расположены къ прощенію; а потому, для истиннаго самопознанія, намъ нужно всегда наблюдать и изслѣдовать: какое дѣйствіе производятъ на насъ подобные случаи?

2) Когда рука Провидѣнія неожиданно посылаетъ намъ тяжкую скорбь, или огорченіе, то какъ мы это принимаемъ? Такіе случаи очень много содѣйствуютъ къ самопознанію, если мы ими хорошо воспользуемся.

Ежели въ насъ скрывается обыкновенное неудовольствіе, или нетерпѣніе, то оно тотчасъ обнаружится, особенно когда къ скорби присоединятся тяжкія обстоятельства, какія были съ Іовомъ.

Огорченія часто посылаются съ тѣмъ намѣрені-

емъ, чтобы мы узнали себя; и потому мы должны съ особеннымъ вниманіемъ ими пользоваться.

При этомъ, внимательно наблюдающій увидить великую мудрость и благодать небеснаго Отца въ томъ, что Онъ не только соразмѣряетъ наказаніе съ силами дѣтей своихъ, но и самый способъ исправленія примѣняетъ къ ихъ состоянію такъ, что однимъ посылаетъ такую скорбь, а другимъ другую, смотря по тому, какая можетъ болѣе послужить для ихъ пользы, такъ что и легкое огорченіе сдѣлаетъ глубже впечатлѣніе и принесетъ больше пользы, нежели другое, сильнѣйшее.

Почти всякому извѣстно давнишнее, весьма справедливое наблюденіе, что мудрый болѣе получаетъ пользы отъ враговъ, нежели отъ друзей, и болѣе отъ огорченій, нежели отъ пріятностей, какъ что враги дѣлаются для него лучшими друзьями, а огорченія величайшими благодѣяніями. То несомнѣнно, что никто не имѣетъ удобнѣйшаго случая безпристрастнѣе и яснѣ видѣть себя, какъ при подобныхъ обстоятельствахъ; и потому, наблюдая внимательно: въ какомъ состояніи онъ находится въ это время, можно сдѣлать великій успѣхъ въ самопознаніи для своей пользы въ будущемъ, хотя бы въ настоящемъ и должно было перенести сильное огорченіе. Такъ, нечаянная обида отъ человека, или сильная скорбь, насланная отъ Бога, могутъ открыть въ глубинѣ его сердца то, чего онъ и не подозрѣвалъ въ себѣ. Такъ возбужденъ былъ гнѣвъ въ самомъ кротчайшемъ мужѣ? каковъ

былъ Моисей. *Псал. CV. 32, 33*: „и прогнѣвали Бога у водъ Меривы, и Моисей потерпѣлъ за нихъ. Ибо они огорчили духъ его, и онъ погрѣшилъ устами своими“. И ропотъ въ самомъ терпѣливомъ, какъ Іовъ. *Іова. III. 1, 2, 3*: „послѣ сего Іовъ отверзъ уста свои, проклялъ день свой, и сказалъ: погибни день, въ который я родился, и ночь, которая сказала: „зачался человекъ!“

Наблюдая такимъ образомъ: какъ мы переносимъ особенныя скорби, какія Богу угодно послать намъ, и какую получаемъ отъ того пользу, — мы весьма много знакомимся съ собою.

3) Въ какомъ бываемъ состояніи и расположеніи, когда мы спокойны, довольны и веселы, и когда вообще менѣе всего наблюдаемъ за своею душою?

Это благодѣтельное время раскрываетъ и питаетъ въ насъ сѣмена суетности, самодовольства и надменнаго пренебреженія къ другимъ. И если въ сердцѣ нашемъ есть горькій корень, то, при солнечномъ блескѣ благополучія, онъ очень легко дастъ ростъ, даже и послѣ мороза несчастій отъ которыхъ, мы думали, что онъ погибъ.

Счастіе для насъ такое же испытаніе, какъ и несчастіе, только оно сопряжено съ болѣшими искушеніями; и если мы расположены къ внимательному наблюденію за собою, то, при несчастіи, мы гораздо скорѣе узнаемъ себя, нежели въ счастливомъ положеніи. Къ сожалѣнію, человекъ рѣдко бываетъ къ тому расположенъ при счастлі-

выхъ обстоятельствахъ. Онъ занятъ чѣмъ нибудь другимъ, думаетъ о предметахъ свѣтскихъ и слишкомъ озабоченъ внѣшнимъ, чтобы войти въ себя; и скорѣе готовъ любоваться собою, нежели наблюдать за собою. Но это было бы лучшее время для самоиспытанія и для успѣха въ самопознаніи, если бы онъ захотѣлъ имъ воспользоваться прямымъ образомъ.

Наконецъ, какъ ты ведешь себя въ дурномъ сообществѣ?

Дурнымъ сообществомъ надо признать такое, въ которомъ мы не имѣемъ никакой вѣроятности сдѣлать, или приобрести что нибудь доброе, но скорѣе быть въ видимой опасности сдѣлать, или получить какой-нибудь вредъ; здѣсь я разумѣю: или оскорбить другихъ неумѣстною ревностію, или быть виновнымъ предъ самимъ собою въ преступной угодливости.

Не увлекаемся ли мы въ немъ потокомъ тщеславія, или порока? Блестящая острота ума и живое воображеніе не заставляютъ ли насъ при этомъ извинять выраженіе кощунства? Если такъ, то эти остроты скоро намъ понравятся и мы сами будемъ повторять ихъ при удобномъ случаѣ. Вотъ минута, когда наша благочестивая ревность и мудрость, наше мужество и твердость обыкновенно подвергаются самому тонкому испытанію, и мы чаще, нежели когда-нибудь, можемъ здѣсь замѣтить неожиданныя выходки безразсудства, легкомыслія и нескромности.

Въ такое время лучше, нежели при обыкновенныхъ явленіяхъ жизни, мы можемъ различить, что сокрыто въ глубинѣ нашего сердца, когда всѣ наши страсти тихи и спокойны. Если мы хотимъ узнать себя, то, при такихъ случаяхъ, должны очень наблюдать за своими свойствами, нравомъ, расположеніемъ и поведеніемъ.

ГЛАВА VIII.

Для самопознанія, мы должны разсматривать себя, отдѣляясь отъ всѣхъ внѣшнихъ обстановокъ.

„Если кто хочетъ узнать самого себя, тотъ долженъ, сколько возможно, возвыситься надъ вліяніемъ внѣшнихъ обстановокъ и обстоятельствъ.“

Человѣкъ есть то, что его сердце. Познаніе себя есть познаніе своего сердца, которое вполнѣ внутри насъ, а потому внѣшнія обстановки, какъ бы званіе и положеніе въ обществѣ, нисколько не содѣйствуютъ къ его познанію; напротивъ, если мы примемъ ихъ въ нѣкоторое уваженіе, то онѣ скорѣе будутъ затруднять насъ въ приобрѣтеніи самопознанія.

1) Если свѣтскія обстоятельства ваши хороши и счастливы, то остерегитесь, чтобы по нимъ не судить о самихъ себѣ.

Все это внѣ васъ, и потому никакъ не можетъ быть мѣрою того, что внутри васъ: и хотя бы за то вы пользовались уваженіемъ въ мірѣ, оно нисколько не сдѣлаетъ васъ мудрымъ, или болѣе достойнымъ человѣкомъ.

И потому, при сужденіи о самомъ себѣ, вы должны совершенно отложить въ сторону всѣ соображенія о вашемъ званіи, фамилии, способностяхъ ума, красотѣ, гениальности, здоровьѣ и т. п. Это все придаточныя украшенія человѣка, или тонкая, блестящая позолота, которая можетъ быть и на самомъ низкомъ металлѣ.

Человѣкъ и безъ нихъ можетъ быть добрымъ и счастливымъ, и съ ними быть злымъ и несчастнымъ, даже, имѣя все это, быть отъ того еще хуже. Сами по себѣ, эти украшенія такъ далеки отъ собственной доброты и превосходства, что Провидѣніе нерѣдко осыпаетъ ими самыхъ дурныхъ людей, и изъ любви, отказываетъ въ нихъ лучшимъ изъ людей. Въ нихъ-то часто заключается величайшее искушеніе, которымъ испытывается наша вѣра и вѣрность.

2) Если же положеніе ваше въ жизни незначительно и горестно, то не судите о себѣ хуже отъ того, что не имѣете тѣхъ внѣшнихъ выгодъ, какими пользуются другіе.

Оттого, что вы не имѣете этихъ прикрасъ, никто не будетъ объ васъ думать хуже, кромѣ тѣхъ, которые думаютъ о себѣ, что имѣя ихъ, они лучше другихъ: въ томъ и другомъ случаѣ они грубо ошибаются. Всѣ эти вещи внѣ насъ и не въ нашей власти; отъ нихъ человѣкъ ни хуже, ни лучше, а только, смотря по употребленію, какое онъ изъ нихъ дѣлаетъ. Потому вы должны быть къ нимъ такъ равнодушны, какъ они чужды васъ са-

михъ. Добрый человѣкъ любезенъ при всемъ незамѣтномъ своемъ положеніи и маломъ достаткѣ, а злой, и среди своего величія и богатства, есть самый жалкій бѣднякъ.

Еслибы мы слѣдовали обыкновенному сужденію свѣта, то, конечно, должны были бы совсѣмъ иначе судить объ этихъ вещахъ, и при такой ошибкѣ введены были бы въ ошибочное сужденіе о самихъ себѣ. Но мы имѣемъ другое правило для руководства, и если мы держимся его, но какое бы ни было наше внѣшнее положеніе въ жизни, это руководство будетъ всегда имѣть надлежащее вліяніе на нашъ умъ въ снисканіи самопознанія.

ГЛАВА IX.

Успѣхъ въ самопознаніи преимущественно зависитъ отъ практическаго приведенія его въ исполненіе.

„Приводите ваше самопознаніе въ исполненіе.“
Надлежащее примѣненіе нашего познанія къ дѣлу есть лучший способъ для бѣльшаго въ немъ успѣха.

Великая цѣль самопознанія есть самоуправленіе, безъ чего оно осталось бы бесполезнымъ умозрѣніемъ. А какъ всякая наука цѣнится по ея цѣли, то самопознаніе уже и потому имѣетъ большое предъ другими превосходство, что практическое примѣненіе его такъ обширно, что можетъ проявляться во всемъ.

„Болѣе всего, сказалъ одинъ благочестивый писатель, старайся изучать самого себя; всякое знаніе, удовлетворяющее любопытству, или умозрѣніе, не столь полезно, какъ самопознаніе, которое состоитъ въ справедливой заботѣ о знаніи самого себя. Къ этому мы всѣ обязаны, это долгъ нашъ, и намъ стыдно быть столь несправедливыми, чтобы не посвятить ему, если не все, то большую часть

нашего времени и не позаботиться о немъ, когда оно имѣетъ на то неотъемлемое право. Управляй своими страстями, располагай благоразумно твоими дѣйствіями, и, гдѣ споткнулся, остерегись этого впередъ. Ничего не дѣлай по упрямству и своевольно, но все съ повиновеніемъ порядку. Всѣ свои недостатки имѣй передъ глазами, и суди себя столь же строго, какъ судишь другихъ, и чтобы судъ твой былъ безпристрастенъ.“ *Размышленія Бернара ил. V.*

Къ чему послужать намъ точныя и прилежныя изслѣдованія себя, если мы останемся равнодушными и безпечными? Къ чему послужить убѣжденіе, что мы многое опустили въ нашихъ обязанностяхъ и предположеніяхъ, если мы нисколько не уважаемъ этого убѣжденія и не сдѣлаемъ ни шага къ исправленію? Это явитъ насъ болѣе виновными предъ Богомъ и самое познаніе себя будетъ только обличать насъ на судъ Его.

„Самоиспытаніе должно имѣть цѣлю исправленіе и улучшеніе себя. Мы обратимъ его во вредъ себѣ, если не сознаемъ, какая затѣмъ лежитъ на насъ обязанность. Мы ежедневно должны повѣрять наше поведеніе для его исправленія, слѣдов. эта ежедневная повѣрка требуетъ и ежедневнаго наблюденія надъ собою. Вечеромъ, при обзорѣ дня, христіанинъ говоритъ: нынче я напрасно потерялъ много времени, особенно при.... и позволилъ себѣ слишкомъ много свободы при *томъ-то*.... я пропустилъ случай къ такому-то доброму дѣлу, не

исполнилъ моей обязанности въ.... я примѣчаю, что такой-то порокъ часто во мнѣ проявляется, и давнишняя слабость не отстаетъ отъ меня. Какъ легко такой-то грѣхъ побѣждаетъ меня! О, еслибъ я былъ бдительнѣе на будущее время, болѣе охранялъ мое сердце и былъ осторожнѣе въ пути моемъ!—Начну это съ слѣдующаго дня. Познаніе болѣзни есть уже добрый шагъ къ выздоровленію, по крайней мѣрѣ оно ведетъ къ употребленію приличныхъ средствъ противъ нея. Самопознаніе должно вести къ самоисправленію. Кто, по прошествіи каждаго дня, разсматриваетъ, какъ онъ провелъ его, повѣряетъ свое поведеніе и поступки, тотъ не предается безпечности и неизвинительнымъ глупостямъ, весьма общимъ и опаснымъ. *Боннетъ.*

Чтобы сильнѣе почувствовать свои, наиболѣе скрытыя слабости и нравственные недостатки и быть къ нимъ внимательнѣе, не худо вечеромъ записывать, какъ они въ продолженіе дня проявлялись въ нашихъ дѣлахъ.

При этомъ мы яснѣе увидимъ не только тѣ свойства нашего нрава, къ которымъ мы вообще слѣпы, но откроемъ въ немъ и такіе недостатки и пятна, которыхъ прежде, можетъ быть, мы совсѣмъ и не подозрѣвали; потому что коварство и двуличность нашего сердца такъ глубоко въ немъ скрыты, что потребно много труда и постояннаго труда, чтобы вывести ихъ наружу.

Напримѣръ: я читалъ нынче автора, котораго

воззрѣнія совершенно различны съ моими, хотя онъ выражаетъ ихъ съ жаромъ и увѣренностію. Это взволновало меня, и я строго раскритиковалъ его, такъ что еслибъ онъ былъ при этомъ, то, при моемъ неравнодушіи, я можетъ быть наговорилъ бы ему такъ много непріятнаго, что это вызвало бы совсѣмъ нехристіанскій споръ. Но я долженъ подумать, что если авторъ и ошибается въ своихъ понятіяхъ, то къ такому образу мыслей могли привести его особенныя обстоятельства жизни и его воспитаніе, а потому предубѣжденія его заслуживаютъ снисхожденія; но мое чувство, лишенное любви, неизвинительно, такъ что, въ этомъ отношеніи, онъ лучше меня. Это произошло отъ недостатка въ любви, и мнѣ должно остерегаться отъ этого недостатка въ моемъ нравѣ, чего я вовсе и не подозрѣвалъ въ себѣ такъ, какъ теперь это чувствую. Впередъ будь снисходительнѣе къ ошибочнымъ мнѣніямъ другихъ. Люби людей такъ, какъ ты желаешь, чтобъ они тебя любили, хотя бы они были и не одного съ тобою мнѣнія; а притомъ, почему же полагаешь, что ты болѣе правъ, нежели они?

Или: нынче я очень былъ расположенъ унижить прекрасный характеръ одного отсутствовавшего лица при его ревностномъ почитателѣ. Правда, я удержался отъ этого—и хорошо сдѣлалъ; потому что тотъ, кто говорилъ о немъ съ такимъ жаромъ, не позволилъ бы моихъ замѣчаній, хотя я все того мнѣнія, что мое замѣчаніе, въ нѣкоторой степени,

было справедливо; тогда вышелъ бы у насъ такой споръ о его характерѣ, что могла бы произойти и ссора между нами. Но, раздумавши, наединѣ о моемъ побужденіи, я нашелъ, что тайнымъ источникомъ его была зависть, которой я тогда и не примѣтилъ; но противникъ мой конечно ей приписалъ бы слова мои и еслибъ высказалъ это, то вопросу подлежить: былъ ли бы я похожъ на того философа, дѣйствительно несправедливо оскорбленнаго, котораго спросили: не осердился ли онъ? И онъ отвѣчалъ: Нѣтъ, я думаю о томъ: сердиться ли мнѣ?—Сомнѣваюсь, чтобъ у меня достало столько же самообладанія; скорѣе я принялъ бы это за ложное и злое подозрѣніе. Но собственно это была зависть и ничто другое; потому что лицо, о которомъ мы спорили, было во многихъ отношеніяхъ превосходнѣе меня. Замѣчаніе, которое готово было вырваться у меня, относилось къ такой ничтожной слабости, какую могъ примѣтить только односторонній взглядъ зависти. Остерегись же отъ этого порока на будущее время!

Также: сегодня я чрезвычайно удивился, замѣтивъ въ себѣ признаки такого порока, котораго я совсѣмъ не предполагалъ въ себѣ и оказывалъ величайшее къ нему презрѣніе въ другихъ, именно: скупость. Что удержало меня подать помощь моему ближнему въ его великой нуждѣ, подъ предлогомъ, что онъ не во всѣхъ отношеніяхъ того заслуживаетъ, или другому, о которомъ я зналъ, что онъ достоинъ помощи, а подалъ такъ мало,

извиняясь тѣмъ, что недавно вышло у меня много денегъ на другія издержки? Конечно, это произошло отъ тайной скупости, которой я никогда не примѣчалъ за собою, хотя она есть и во мнѣ также, какъ въ другихъ.

О, какъ неизслѣдимы глубины и коварство нашего сердца! Еслибъ врагъ мой сталъ упрекать меня въ равнодушіи и снисходительности къ себѣ, или въ гордости, нетерпѣніи, или излишней раздражительности при противорѣчіи и оскорбленіяхъ, то собственное сердце подтвердило бы справедливость его сужденія, и я бы въ нихъ сознался. Если бы онъ обвинялъ меня въ ханжествѣ, въ упрямствѣ мнѣній, въ готовности осуждать другихъ, я бы подумалъ: это оттого, что онъ самъ такого нрава, чего я вовсе не замѣчалъ въ себѣ.—Но онъ упрекаетъ меня въ скупости, это я долженъ принять за низкую клевету и отвергнуть его укоризну съ презрѣніемъ и торжествомъ, а теперь я долженъ сознаться, что онъ совершенно правъ. О, какъ трудно узнать себя! Въ этой наукѣ бываетъ то же, что и въ другихъ; чѣмъ болѣе въ ней успѣваешь, тѣмъ болѣе чувствуешь недостатокъ своихъ познаній.“

Трудность самоуправленія и самообладанія происходитъ отъ трудности совершеннаго самопознанія, которое для того необходимо; я говорю, совершеннаго, какое изложено во всѣхъ его отрасляхъ. (Часть I.) Самоуправленіе, рассматриваемое какъ добродѣтель, просто невозможно тамъ, гдѣ пре-

одолѣваетъ незнаніе себя, такъ что затрудненіе уменьшается только по мѣрѣ того, какъ увеличивается самопознаніе.

Можетъ быть, многіе готовы думать, что это парадоксъ, а вообразить себѣ, что они очень хорошо знаютъ свои главныя страсти и слабости, но находятъ, что весьма трудно ихъ исправить. Но пусть они хорошенько это изслѣдуютъ, и тогда, конечно, найдутъ, что вся трудность происходитъ или отъ недостатка въ самопознаніи, (по отношенію къ которому, какъ и въ другихъ наукахъ, часто думаютъ о себѣ, что много успѣли, когда этого нѣтъ) — или отъ небреженія приводить въ исполненіе то, что уже ими познано. Они знаютъ, въ чемъ чаще бываетъ ихъ паденіе, и нисколько не остерегаются отъ непосредственныхъ къ нему искушеній. Они увлекаются въ эти искушенія, господствующія надъ ними, потому что не знаютъ ихъ, а съ другой стороны не остерегаются отъ болѣе отдаленныхъ искушеній, которыя приводятъ къ этимъ непосредственнымъ и опаснымъ, и которыя, не безъ основанія, можно назвать искушеніями къ искушеніямъ. Наблюденіе и осторожность противъ нихъ составляютъ существенную часть самопознанія, и великое искусство избѣгать явной опасности при настоящемъ состояніи нашего безсилія;— это есть лучшее средство для избѣжанія грѣха.

Исправлять недостатки свои и усовершенствовать то, что въ насъ есть добраго,—вотъ чего мы должны желать отъ всего сердца и что должно быть цѣ-

люю всѣхъ нашихъ изслѣдованій самихъ себя. Если мы не признаемъ этого за долгъ нашъ, то тщетны всѣ наши труды о самопознаніи и мы не можемъ сказать, что сердечно желаемъ исправленія. Тамъ больше силы, гдѣ больше воли, а тамъ сильнѣе воля, гдѣ сильнѣе желаніе, а гдѣ сильно желаніе, тамъ болѣе успѣха.

Постоянство въ исполненіи желанія будетъ свидѣтельствовать объ искренности его, а успѣхъ будетъ несомнѣннымъ доказательствомъ этого постоянства.

Кажется, мы можемъ положительно сказать это и не приписывая слишкомъ большой власти человѣческой волѣ; но мы существа разумныя и свободныя. Принимая въ соображеніе: какая сильная помощь подается тому, кто ищетъ ее, наше постоянство въ исполненіи желанія конечно будетъ награждено успѣхомъ, если оно искренно. Да послужить это введеніемъ къ содержанію слѣдующей главы.

ГЛАВА X.

Частая и усердная молитва есть самое дѣйствительное средство для достиженія истиннаго самопознанія.

„Наконецъ, послѣднее средство, о которомъ я долженъ сказать, есть частое и благоговѣйное обращеніе къ Источнику свѣта и Отцу нашихъ духовныхъ силъ съ молитвою о помощи въ семъ важномъ ученіи, т. е.: чтобы намъ истинно познать себя.

Я упоминаю объ этомъ средствѣ послѣ всего, не потому, чтобъ оно было послѣднее, нѣтъ; оно самое высшее для достиженія правильнаго и совершеннаго познанія себя; это путь къ тому, чтобы и все прочее было дѣйствительнымъ, а потому это послѣднее должно быть первымъ по его употребленію.

Если хотимъ узнать себя, то мы не только должны часто размышлять сами съ собою, но и обращаться къ Богу съ молитвою и, смиренно повергаясь предъ Отцомъ, умолять его душею, да откроется Онъ намъ и въ Его свѣтъ да увидимъ

свѣтъ тамъ, гдѣ былъ одинъ только мракъ, и да даруетъ Онъ намъ познать глубину и коварство нашего сердца. Безъ вліянія Его благодати, безъ божественнаго просвѣщенія и наставленія, не взирая на всѣ наши старанія, оно обманетъ насъ, и самолюбіе не только помѣшаетъ разумѣнію себя, но и удержитъ насъ въ полномъ невѣдѣніи о самихъ себѣ.

Первое, что мы должны сдѣлать для самопознанія, — это увѣриться, что наше сердце всего обманчивѣе, а потомъ, что Господь испытуетъ сердца и внутренности, *Іерем. XVII. 10*: „но я Іегова проникаю сердце, испытую внутреннее; и воздамъ каждому по его путямъ, и по плоду дѣлъ его,“ т. е. что Онъ есть сердцеѣдецъ и знаетъ ихъ, какъ бы коварны они ни были.

Такое размышленіе, будучи сильнымъ побужденіемъ къ труду истиннаго самопознанія, въ то же время указываетъ: какъ мы можемъ его достигнуть, т. е. смиреннымъ и непрестаннымъ обращеніемъ къ Тому, Который одинъ насъ знаетъ, чтобы Онъ помогъ намъ узнать себя. При свободномъ и близкомъ доступѣ Его Святаго Духа къ нашему духу, это можетъ совершиться различными путями: удерживая наше вниманіе на самихъ себѣ, ободряя насъ при нашихъ опасеніяхъ, отдаляя предубѣжденія, (которые, какъ невѣрные очки, мѣшаютъ нашему уму видѣть вещи въ настоящемъ ихъ свѣтѣ), умерщвляя нашу гордость, укрѣпляя наши разумныя и мыслящія способности, утверждая въ душѣ

живое чувство и познаніе высшаго счастья и долга, и такимъ образомъ пробуждая отъ чувственной безпечности и равнодушія къ снисканію лучшихъ благъ, отъ чего усиленное вниманіе наше къ міру способно отвлекать насъ.

Кромѣ того, молитва есть самое удобное средство къ самопознанію, какъ дѣятельное погруженіе ума въ самого себя. При семъ благочестивомъ упражненіи, она много ему содѣйствуетъ, и духъ нашъ никогда не бываетъ въ лучшемъ настроеніи, какъ исправляя долгъ молитвы внутренно и благоговѣнно. Тогда онъ лучше познаетъ Бога, получаетъ вѣрнѣйшій взглядъ на самого себя и справедливѣе судитъ о земныхъ вещахъ; онъ яснѣе видитъ свои пороки и глубже чувствуетъ свою скверну, слѣдовательно бываетъ въ самомъ лучшемъ расположеніи къ истинному самопознанію.

О, еслибы мы всегда могли такъ думать о себѣ, или хотя бы расположены были къ такому о себѣ сужденію, какое иногда бываетъ при искреннемъ униженіи себя предъ престоломъ благодати! Какой бы великій успѣхъ сдѣлали мы тогда въ этой важной наукѣ! Какъ ясно изъ этого видна необходимость благочестиваго упражненія для души, и какое это счастливое средство къ истинному самопознанію!

Итакъ, кто бы ты ни былъ, принявшій на себя трудъ прочитать эту книгу, какое бы ни было твое званіе и положеніе въ мірѣ, твои способности, познанія, твои занятія и труды, твои люби-

мыя чувства и правила, къ какому бы ты ни принадлежалъ христіанскому вѣроисповѣданію,—знай несомнѣнно, что то, что ты прочелъ, прямо до тебя касается, былъ ли ты къ тому внимателенъ, или нѣтъ; потому что это касается не менѣ какъ безопасности твоего спокойствія и общепользности твоей въ мірѣ,—касается твоего благополучія, какъ человѣка и христіанина. Можетъ быть, увидѣвши нѣсколько себя въ этомъ, приподнятомъ предъ тобою, зеркалѣ, ты скоро отойдешь отъ него и забудешь, какова твоя личность. Можетъ быть, ты встрѣтилъ въ ней много вещей, которыя не совсѣмъ понялъ, или не одобрилъ; но обрати вниманіе хотя на то, что ты понялъ и одобрилъ, и ты убѣдишься въ ихъ необходимости! Если, прочтя эту книгу, ты не получилъ отъ того ни пользы, ни улучшенія себя, прочти ее еще. Тебѣ извѣстно, что въ иное время мысли впечатлѣваются болѣе нежели въ другое, и, при повтореніи чтенія, мы получаемъ болѣе познаній и пользы, нежели при чтеніи въ первый разъ. Я вполнѣ надѣюсь, что ты найдешь въ ней нѣчто такое, что обратитъ твои мысли къ дѣлу, и, при помощи Божіей, ты будешь внимательнѣе къ твоему сердцу и поведенію, а вслѣдствіе того сдѣлаешься болѣе основательнымъ, мудрымъ и вѣрнымъ христіаниномъ.

Неужели, наконецъ, при прочтеніи этой книги, ты поступишь также, какъ по выслушаніи нѣкоторыхъ проповѣдей? Неужели будешь судить о

ней по прежде принятымъ и утвердившимся въ тебѣ понятіямъ, и одобришь, или отвергнешь ее, смотря по тому, пріятна она тебѣ, или непріятна, и согласна, или несогласна съ твоимъ вкусомъ, не обращая вниманія на истинное достоинство, важность и необходимость самаго предмета? Или ты удовольствуешься нѣкоторыми занимательными мѣстами, которыя, можетъ быть, ты въ ней встрѣтилъ, или согласишься съ важностью предмета, съ справедливостію взгляда и нѣкоторыхъ наблюденій, тобою вычитанныхъ, чѣмъ и заключишь твое чтеніе безъ всякаго дальнѣйшаго къ нему вниманія? Когда такъ, то повѣрь мнѣ, читатель-христіанинъ, если этимъ оканчивается вся польза отъ твоего чтенія, то едвали это стоило труда, на него употребленнаго.

Нѣтъ, тебѣ желали, искренно желали, принести большую пользу, познакомивъ тебя ближе съ кѣмъ-то, заслуживающимъ все твое вниманіе и способнымъ быть или лучшимъ твоимъ другомъ, или злѣйшимъ врагомъ;—это съ самимъ тобою. Здѣсь было намѣреніе убѣдить тебя, что если ты хочешь жить и поступать, какъ прилично человѣку и христіанину, то долженъ узнать самого себя, и подъ вліяніемъ такихъ побужденій и съ помощію выше-изложенныхъ указаній, искренно желали, чтобы самопознаніе сдѣлалось наукою, а самообладаніе главнѣйшею потребностію всей твоей жизни. Богъ да укрѣпитъ тебя въ сей рѣшимости и своею благодатію до поможетъ тебѣ въ великомъ

трудѣ противъ всѣхъ будущихъ препятствій и развлеченій.

Успѣхъ во всемъ отъ Него, и Ему да будетъ слава и честь во вѣки вѣковъ.

К О Н Е Ц Ъ .

ЭПИЛОГЪ.

О САМОПОЗНАНІИ.

ПРОФЕССОРА КАРПОВА.

Слово, призывающее къ самопознанію, однозначительно съ зовомъ, которымъ дитя, бѣгающее по цвѣтистому лугу и гонящееся за мотылькомъ, призываютъ домой. Какъ досаденъ этотъ зовъ! Какъ враждебенъ онъ расположенію къ разсѣянности, привычкѣ жить внѣ себя,—на распутіяхъ богатой, разнообразной, непрестанно обновляющейся и какъ будто вѣчно празднующей природы! Не лучше ли раздолье, просторъ, постоянная смѣна предметовъ, явленій, впечатлѣній, чѣмъ тѣсный горизонтъ жизни, скучное однообразіе дѣятельности, безконечное повтореніе все тѣхъ же и тѣхъ же ощущеній? „Нѣтъ, рано еще домой!“ отвѣчаетъ дитя на призывный голосъ, и бѣжитъ далѣе и далѣе по роскошнымъ коврамъ весны, которыми она такъ щедро устилаетъ землю. Но вотъ весну смѣняетъ лѣто, за лѣтомъ слѣдуетъ — осень, зима;

проходить годъ—другой, минули десятилѣтія,—и дитя въ пріятномъ самозабвеніи, переходя отъ однѣхъ забавъ къ другимъ, достигаетъ уже зрѣлаго возраста. Воротиться бы домой! Но какъ прекрасенъ свѣтъ со всеми его обаяніями, приманками, надеждами, удовольствіями! Куда ни посмотри, вездѣ—вблизи и вдали, какъ будто волшебствомъ рисуются картины блаженства и манятъ къ наслажденію.

Вонъ тамъ, на перспективѣ жизни, узорчато разнообразными формами ослѣпляютъ зрѣніе фантомы богатства и очаровываютъ воображеніе прелестью роскоши. Неужели не стоитъ труда достигнуть сокровища и, сдѣлавшись его обладателемъ, украсить имъ свою жизнь?—И искатель драгоценнаго камня неутомимо бѣжитъ за блестящимъ метеоромъ, пока не успокоится подъ камнемъ могильнымъ. Вотъ отсюда идетъ тропинка на ту высокую гору, облитую радужнымъ сіяніемъ почестей, славы и власти. Неужели не стоитъ всевозможныхъ усилій подняться на ту высоту и вступить въ ряды той блестящей фаланги, чтобы жизнь пошла шире, сдѣлалась показнѣе, выпуклѣе и для всѣхъ замѣтнѣе?—И маленький кесарь рѣшается на борьбу со всеми препятствіями,—идетъ, спотыкается, падаетъ, поднимается, снова падаетъ и снова поднимается, пока не приблизится смерть и не скажетъ ему: „ты отъ земли, и земля твой удѣлъ!“ Вотъ здѣсь средоточіе большого стеченія народа, откуда доходятъ до слуха пріятные звуки

музыкальныхъ инструментовъ, шумныя выраженія увеселеній, громкое эхо восторговъ. Неужели не стоитъ нѣсколькихъ часовъ времени, чтобы, вмѣшавшись въ эту веселую толпу, раздѣлить съ нею ея радость?—И новый Аристиппъ, подобно древнему, опредѣляющій цѣну жизни одними наслажденіями, заботливо рыщетъ отъ удовольствій къ удовольствіямъ, пока не изсякнетъ живое чувство, не притупится вкусъ, и на днѣ выпиваемой чаши не ощутится горькій, убійственный осадокъ. А что тамъ — далеко, далеко, гдѣ землею какъ будто сходится небо и замыкаетъ горизонтъ зрѣнія? — Длинень путь и утомителенъ. Можетъ быть лучше бы сперва побывать дома, чтобы запастись силами и средствами для столь далекаго путешествія. Но какъ устоять противъ приманокъ любознательности! Тамъ конецъ земли и начало неба; тамъ должны разрѣшиться всѣ загадки бытія и войти въ область человѣческихъ познаній всѣ донынѣ недоступныя разуму тайны; тамъ послѣднее торжество науки, апотеозъ ума, вѣнецъ его усилій постигнуть законы мірозданія. — И всесвѣтнѣйшій изслѣдователь терпѣливо идетъ, по тернистому поприщу ученыхъ трудовъ, къ той постоянно отодвигающейся точкѣ соединенія небесныхъ истинъ съ земными, пока возникающіе одни за другими, неразрѣшимые вопросы, и какъ бы насмѣхающіяся надъ его усиліями, непримиримыя противорѣчія, не убѣдятъ его въ слѣпотѣ и невѣжествѣ.

Такъ всю свою жизнь, отъ дѣтства до старости,

мы проводимъ большею частию внѣ себя, гоняясь то за матеріальными выгодами, то за внѣшнимъ блескомъ, то за пріобрѣтеніями въ области наукъ и искусствъ, то даже за самыми пустыми и безплодными удовольствіями; а идти домой и посмотреть, что у насъ есть и чего нѣтъ, что дѣлается и чего не дѣлается, что требуется въ жизни внутренней для внѣшней, и какимъ образомъ пріобрѣсть эти условія?—того мы не хотимъ. Отчего такая странность, такое одностороннее направленіе? — Впервыхъ, безъ сомнѣнія, оттого, что мы, въ экономіи своей жизни, смѣшиваемъ двѣ совершенно различныя вещи — самопознаніе и самолюбіе; вовторыхъ, оттого, что не знаемъ, въ чемъ собственно должно состоять самопознаніе, и какъ важно оно въ нравственной жизни человека.

Встарину, вѣроятно вслушавшись въ оригинальная разсужденія философа Сократа, люди, повидимому, мыслящіе и умные часто повторяли, какъ добрый совѣтъ, надпись, бывшую, говорятъ, на Дельфійскомъ храмѣ: „познай самого себя.“ А познать самого себя значило тогда, по словамъ мудреца Платона (Phedon. p. 230 A.), открыть: „звѣрь ли я, многосложнѣе и яростнѣе Тифона, или животное кротчайшее и простѣйшее, носящее въ своей природѣ какой-то жребій божественности и незлобія?“ — Этотъ вопросъ, въ тѣ времена, казался очень труднымъ и приводилъ въ недоумѣніе самихъ философовъ; а нынѣ онъ

многимъ представляется до того легкимъ, даже маловажнымъ, либо пустымъ и мечтательнымъ, что возбуждаетъ въ нихъ только улыбку сожалѣнія о дѣтскомъ смыслѣ древнихъ мыслителей, любившихъ входить въ туманную область отвлеченія и не могшихъ рѣшить такой бездѣлицы просто и ясно! Въ самомъ дѣлѣ, кто теперь не понимаетъ, что такое онъ? Даже кто теперь не обидѣлся бы, еслибы сказали ему, что онъ не знаетъ себя? „Какъ, я не знаю себя?“ возразитъ иной, современный мудрецъ. „Ятакой-то человекъ, житель такой-то страны, богатъ или бѣденъ, знатенъ или не знатенъ, ученъ или не ученъ“, и прочее тому подобное.

„Какъ, я не знаю себя?“ И въ убѣжденіи, что человекъ самъ для себя вовсе не загадка, многіе живутъ и умираютъ. Что же? основательно ли такое убѣжденіе? оправдаемъ ли мы его? Можемъ быть и оправдали бы, еслибы въ выраженіи: „я знаю себя“, не поставляло насъ въ недоумѣніе это обманчивое *себя*. Оно здѣсь ясно обнаруживаетъ хамелеоновскую природу, расположенную мѣнять свое значеніе, и вдругъ — то являться въ разнообразныхъ формахъ предметовъ внѣшняго міра, то прятаться въ ничтожествѣ безсодержательнаго — Я. Попробуйте замѣтить человека, хвалящемуся такимъ самопознаніемъ, что по внѣшней, принадлежащей ему, обстановкѣ, гораздо больше знаютъ его другіе, чѣмъ онъ самъ себя,—и онъ, чтобы защитить свою личность, тотчасъ, будто улитка въ раковину, завернется въ свое Я. По-

пробуйте опять поставить ему на видъ, что его Я пусто, не имѣть никакого содержанія,—и онъ вдругъ развернется и явится предъ вами подъ разнообразными условіями внѣшней своей жизни. Такую хамелеоновскую его изворотливость вы можете остановить только однимъ замѣчаніемъ, что когда человѣкъ знаетъ себя въ отечествѣ или словіи, въ богатствѣ или бѣдности, въ знатности или незнатности, въ учености или неучености, и тому подобное; тогда онъ знаетъ не *себя*, а *свое*, а это *свое*, по какому-то нравственно-оптическому обману принимаетъ за *себя*, — тогда онъ составляетъ о себѣ понятіе по внѣшнимъ, ограничивающимъ его, примѣтамъ, которыя не имѣютъ ничего общаго съ самою его природою. Такихъ примѣтъ можетъ быть безчисленное множество, и разнообразію ихъ нѣтъ конца; но чѣмъ многочисленнѣе и разнообразнѣе онѣ, тѣмъ больше закрывается ими человѣкъ отъ самого себя, и въ этой многосложной обстановкѣ представляется себѣ самымъ собою, хотя, на самомъ дѣлѣ, не видитъ въ себѣ никакого содержанія, не замѣчаетъ никакого разнообразія явленій, и потому не составляетъ о себѣ никакого понятія. Это въ полномъ смыслѣ эгоистъ, котораго значеніе состоитъ именно въ томъ, чтобы самому въ себѣ, своей природѣ, не имѣть никакого значенія; ибо, какъ скоро человѣческое Я, передъ анализомъ самопознанія, начинаетъ разлагаться и обнаруживать какія нибудь свойства, — внѣшніе покровы тотчасъ спадаютъ съ глазъ, са-

моослѣплёніе теряетъ свою силу, заблужденія представляются предъ очами души будто страшилища,—и кумиръ эгоизма падаетъ въ прахъ. Итакъ, эгоистическое знаніе *себя* въ *своемъ* не только не есть самопознаніе, и противоположно ему: это два враждебныя начала, въ одной и той же душѣ несовмѣстимыя и взаимно себя изгоняющія. А потому древніе мыслители, ища средствъ противъ господствовавшаго въ человѣческихъ обществахъ эгоизма, иначе понимали силу самопознанія и хорошо дѣлали, что прилагали его къ человѣку. Вѣря имъ, мы теперь постараемся рассмотреть, въ чемъ состоитъ оно.

Самопознаніе требуетъ, чтобы человѣкъ, отвлекая свой взглядъ отъ предметовъ внѣшнихъ, которые извѣстнымъ образомъ ограничиваютъ его, обращался къ себѣ, входилъ въ себя и замѣчалъ въ своей природѣ все, какія представляются ему, общія или частныя, существенныя или случайныя, хорошія или худыя свойства. Тутъ надобно обращать вниманіе не на то, какъ обставлены мы извнѣ, а на то, чѣмъ обусловлено самое наше бытіе и какимъ оно является намъ въ сознаніи. Тутъ мы должны забыть, не только все принадлежащее намъ внѣ насъ, но и собственную свою личность, какъ нашу, чтобы между сознаніемъ и нами не посредствовало никакихъ эгоистическихъ интересовъ, маскирующихъ или скрывающихъ насъ отъ насъ самихъ, но смотрѣть на себя, какъ на предметъ, для насъ посторонній, и снимать съ него

самый вѣрный и точный портретъ, не упуская изъ виду ни одного оттѣнка, полагаемаго на немъ его началами, законами, стремленіями и дѣйствіями. Тогда, предъ испытующимъ взглядомъ самопознанія, наша природа, будто дерево предъ огнемъ, начнетъ мало-по малу развертывать свои покровы, открывать свои силы, обнажать сокровенныя пружины своей дѣятельности и отражаться въ нашемъ сознаніи всѣми, самыми глубокими и коренными свойствами. Такъ, самопознаніе и мудрецы отдаленной древности, прозорливые изслѣдователи человѣческой природы въ мірѣ христіанскомъ, и сообразно съ такимъ понятіемъ, для вѣрнѣйшаго успѣха на этомъ поприщѣ, познакомили насъ съ двумя различными методами самопознанія, которыя, если позволятъ намъ читатели воспользоваться въ этомъ случаѣ терминологіею школы, мы назовемъ *практическою* и *теоретическою*.

Извѣстно, что еще Пифагоръ поставлялъ въ обязанность своимъ ученикамъ каждый вечеръ пересматривать все, что они мыслили, что чувствовали, чего желали и что дѣлали въ продолженіи минувшаго дня, и, подвергая строгому суду всякое движеніе ума, воли и сердца, извлекать изъ того полезные уроки на время будущее. Такой способъ самопознанія, у Пифагора входившій только въ планъ воспитанія юношества, повидимому, былъ бы весьма полезенъ и въ приложеніи ко всякому возрасту. Въ самомъ дѣлѣ: какой стражъ надъ извѣстнымъ человѣкомъ могъ бы быть надежнѣе

этого самаго человѣка надъ самимъ собою? Кто съ такимъ усердіемъ, съ такою заботливостію охранялъ бы его отъ всего дурнаго и постыднаго, какъ охранялъ бы онъ самъ себя? Да и кому такъ ясно знать каждое движеніе его души, какъ ясно отражается оно въ собственномъ его сознаніи? Исповѣдь предъ самимъ собою всегда готова; преступная мысль и укоризна пробуждаются вмѣстѣ; постыдное чувство не спрячется отъ упрека совѣсти; и вотъ человѣкъ—на хорошемъ пути, идетъ ровно, не уклоняется ни направо, ни налево, весь въ предѣлахъ закона, и самъ по себѣ — олицетворенный законъ. Чего лучше? Безъ сомнѣнія, съ этой идеальной точки зрѣнія смотрѣлъ на человѣка и Платонъ, когда начертывалъ теорію гражданскаго общества; и, стоя на высотѣ созерцанія, говорилъ, что граждане его, входя въ себя и вѣрно изучая свою природу, не дожидаются никакихъ внѣшнихъ побужденій или ограниченій, но съ полною свободою и мыслятъ, и чувствуютъ, и дѣлаютъ только то, что она предписываетъ. Въ такомъ обществѣ, по заключеніямъ Платона, не нужны были бы ни понудительныя мѣры, ни запретительныя постановленія, ни уголовные законы. Но сколь ни важно самопознаніе въ истинномъ его значеніи, сколь ни необходимо оно для существенныхъ пользъ человѣка, — мы отнюдь не общаемъ ему такихъ идеальныхъ плодовъ, потому что, познавая себя, человѣкъ прежде всего будетъ открывать въ своей природѣ множество недостатковъ, заблужденій,

дурныхъ наклонностей, преступныхъ желаній, а главное—замѣтитъ крайнее безсиліе, противность порочнымъ стремленіямъ и чрезъ непроницаемую завѣсу лжи и обмана, усмотритъ истину. И эти, пріобрѣтаемые и показываемые вѣковыми опытами плоды практическаго самопознанія далеко лучше, тѣхъ несбыточныхъ и неосуществимыхъ идеаловъ, потому что свидѣлствуютъ о пробудившемся сознаніи нравственной болѣзни, которой эгоизмъ нисколько не чувствуетъ, и показываютъ, что душа, въ такомъ случаѣ, окрыляется желаніемъ исцѣленія и бываетъ готова искать врача уже не на землѣ, а на небѣ.

Слабый проблескъ такого самопознанія, обличавшаго немощь и разстройство человѣческой природы, мы, не безъ изумленія, встрѣчаемъ еще въ мірѣ языческомъ, когда слышимъ, что Сократъ, бесѣдуя съ Алкивіадомъ о молитвѣ, считаетъ нужнымъ сперва прогнать мракъ, которымъ покрыта его душа, а потомъ уже показать ей то, чрезъ что она могла бы познать зло и добро, — и такого разсвѣвателя душевной тьмы ожидаетъ съ неба. Но особенно быстрые успѣхи оно сдѣлало въ Христіанствѣ, вспомоствуемое Божественнымъ Откровеніемъ, которое возвѣстило людямъ о незамѣченной естественными силами ума, причинѣ зла во всемъ человѣческомъ родѣ и указало на дѣйствительное начало распространившихся въ немъ заблужденій. Подъ руководствомъ этой небесной истины, *практическое самопознаніе* для

христіанъ, а особенно для великихъ христіанскихъ подвижниковъ, было непрерывнымъ дѣломъ цѣлой жизни. Они съ неослабною бдительностію наблюдали за каждымъ проявленіемъ своей мысли, внимательно слѣдили за самыми тайными своими чувствованіями и желаніями и силою Божіей благодати, призываемой молитвами и самоотверженіемъ, проразительно предотвращали даже малѣйшее попятное своей природы къ нарушенію небесной правды, внушаемой начертаннымъ въ человѣкѣ закономъ духа и гласно проповѣдуемой въ словѣ Божіемъ. Постоянно изучая въ себѣ человѣческое существо, прислушиваясь къ непреложнымъ его требованіямъ и наблюдая: за что, для чего и отчего находится оно въ вѣчной борьбѣ съ самимъ собою, они, лучше всѣхъ мудрецовъ свѣта, понимали истинное достоинство и назначеніе человѣка, и небеснаго не приносили въ жертву земному, а земнаго не чтили, какъ небесное. Самопознаніе приводило ихъ къ твердому убѣжденію, что все великое и прекрасное во времени должно быть почитаемо великимъ и прекраснымъ, поколику образуетъ, улучшаетъ и приготавливаетъ человѣка для вѣчности.

Такъ познавали себя великіе подвижники въ мірѣ христіанскомъ, — и самопознаніе ихъ не только было благотворно для нихъ самихъ, но имѣло обширнѣйшее и благодѣтельное вліяніе на самое окружавшее ихъ общество. Оно обуздывало въ немъ порывы эгоистическаго самолюбія, сообщало ему прекрасный характеръ христіанской скромно-

сти и сдержанности, безъ которой, превозносимая нынѣ, цивилизація никогда не установится, и располагали его къ жизни мѣрной и ровной, къ дѣятельности строгой и обдуманной, къ основательности во всѣхъ его предначинаніяхъ. Если справедливо замѣчаютъ, что все великое и благотворное, на открытыхъ и шумныхъ путяхъ свѣта, первоначально зараждается въ тишинѣ уединенныхъ и молчаливыхъ кабинетовъ; то равно несомнѣнно что все прекрасное первоначально зараждающееся въ кабинетахъ, имѣетъ свой корень въ сѣмени, отысканномъ чрезъ самопознаніе въ тайникѣ хорошо изученной души. Проникните въ вашу душу, поймите ее, сколько возможно, болѣе и вѣрнѣе, — при свѣтѣ христіанскихъ убѣжденій, — и тогда, въ уединеніи вашего кабинета, зародится истинное и доброе, и эта жизнь истиннаго и добраго отразится на всемъ, къ чему вы находитесь въ отношеніи, по условіямъ быта домашняго и общественнаго. Не утвердившись на этомъ началѣ христіанскаго самопознанія, ни одинъ кабинетъ никогда не выдумаетъ ничего прочнаго, всегда и для всѣхъ благотворнаго; потому что самопознаніе отверзаетъ душу для принятія Божіей благодати; а безъ Божіей благодати, даже и то, что во внѣшнихъ нашихъ дѣйствіяхъ какъ будто имѣетъ право на всеобщее удивленіе, можетъ послужить болѣе ко вреду, чѣмъ къ пользѣ, и намъ, и цѣлому обществу.

Самопознаніе въ кругу человѣческихъ занятій такъ важно, что не осталось дѣломъ только практи-

ческаго наблюденія человѣка надъ самимъ собою, но, съ теченіемъ времени, явилось также мѣроу изученія вообще человѣческой природы, подобно тому, какъ могутъ быть изучаемы предметы, на примѣръ, царства растительнаго, или животнаго. Въ этомъ подлежательномъ своемъ направленіи оно получило уже характеръ теоретическій и вошло въ энциклопедію наукъ подъ именемъ Психологіи. Такое теоретическое познаніе человѣка, какъ и всякая теорія, долженствовало состоять въ обобщеніи фактовъ опыта, замѣченныхъ самопознаніемъ практическимъ и замѣчаемыхъ постоянно, всегда и во всѣхъ.

Ясно, что еслибы сила обобщенія въ человѣческой природѣ имѣла одну и ту же энергію во все времена и въ каждомъ потомкѣ Адамовомъ: то теоретическому самопознанію слѣдовало бы переходить изъ вѣка въ вѣкъ, все съ большею и большею полнотою содержанія, и постепенно приближаться къ своему совершенству. Но, къ несчастію человѣческаго рода, это начало обобщающее — этотъ безсмертный духъ человѣка въ различные времена, является на различныхъ точкахъ стояній, и какъ будто имѣетъ какіе-то фазы. Въ иное время онъ восходитъ, повидимому, къ зениту своей орбиты, — и человѣческая природа въ нѣдрѣхъ гражданскихъ обществъ становится свѣтлѣе, утѣшительнѣе, отраднѣе: на поприще жизни выступаютъ умы сильные, воли добрыя, сердца любящія, и самопознаніе такихъ душъ видитъ въ нихъ самихъ

область неизмѣримую, богатство фактовъ нравственной жизни неисчерпаемое, — видитъ, какъ въ душѣ соединяется конечное съ безконечнымъ, условное съ безусловнымъ, какъ человѣкъ великъ и вмѣстѣ малъ, силенъ и вмѣстѣ слабъ, какъ внятень его природѣ голосъ Существа Высочайшаго, и какъ, злоупотребленіемъ своей свободы, можетъ онъ заглушать его; какъ выражается въ немъ образъ жизни ангельской, и какъ легко ему ниспадать до безумія скотовъ несмысленныхъ. Обширна и поучительна исторія человѣческаго существа, начертываемая въ эти счастливыя эпохи жизни духовной, когда помыслы земные, развиваясь свободно и стройно, сближаются съ истинною небесною! Но бываютъ времена и нравственной тьмы, въ которыя бессмертный нашъ духъ, какъ будто уходитъ къ своему надиру и только слабымъ мерцаніемъ озаряетъ блуждающія во мракѣ человѣческія общества. Въ эти печальные періоды жизни, люди какъ-то мельчаютъ и уравниваются, — конечно потому, что въ потьмахъ всѣ равны, — горизонтъ умственного зрѣнія ихъ становится тѣснѣе, понятія о добрѣ и злѣ приходятъ въ колебаніе и ослабляются разнообразіемъ земныхъ отношеній; чувство любви вянетъ какъ цвѣтокъ, удаленный отъ живительнаго вліянія лучей солнечныхъ, и поддерживается только искусственною теплотою житейскихъ расчетовъ и интересовъ. Находясь вдали отъ источника свѣта и озаряясь слабымъ его мерцаніемъ, человѣкъ это мерцаніе почитаетъ

свѣтомъ и называетъ его умомъ, геніемъ, мудростію. А такъ какъ среди своего полумрака онъ не можетъ видѣть ничего кромѣ земли и не руководится ничѣмъ кромѣ чувствъ; то близорукій его умъ направляется только къ землѣ, и всю свою дѣятельность развиваетъ только въ горизонтѣ чувственныхъ органовъ. Здѣсь сосредоточиваются всѣ виды, всѣ надежды человѣка; а тамъ, далѣе — откуда на слѣдующее утро жизни должно взойти Солнце правды, — тамъ.... — но этотъ вопросъ или не возбуждается, или, какъ-нибудь возбужденный, туманитъ душу такимъ же непріятнымъ чувствомъ, какое мы испытываемъ, когда неожиданно приходитъ къ намъ непріятный гость. Нѣтъ ничего удивительнаго, что умъ, сосредоточивъ всю свою дѣятельность внѣ себя — въ предѣлахъ земли, по самой этой сосредоточенности, можетъ производить многое и удивительное въ отношеніи къ землѣ — къ тому что внѣ его. Но, въ это же самое время, душа человѣка бываетъ такъ омрачена, что, входя въ себя и стараясь изучить свою природу, онъ находитъ ее тѣсною, темною и непредставляющею никакихъ фактовъ, достойныхъ познанія, — онъ не видитъ въ ней той самой причины, по которой что-нибудь видитъ; слѣдовательно, не только не рѣшаетъ основныхъ вопросовъ самопознанія, но и отвергаетъ самую возможность ихъ. Эту бѣдную, омраченную, загрязненную всякимъ житейскимъ хламомъ душу, онъ самъ тогда отождествляетъ съ душою безсловеснаго животнаго и

отличаетъ ее только сознаниѣмъ своего эгоистическаго Я, не испытывая, откуда это сознаниѣ? по какимъ законамъ оно озаряетъ дѣятельность души? и объясняется ли имъ причина происхожденія нашихъ стремленій въ безконечность, которой мы не понимаемъ и никогда не поймемъ, и которой однакожъ необходимо требуемъ. Отъ науки самопознанія, въ этомъ случаѣ, желаетъ онъ не того, чтобы она возводила его мысль на высоту идеальнаго созерцанія вѣчной истины и высочайшаго блага, слѣдовъ чего въ своей природѣ ему, къ несчастію, замѣчать не случалось: онъ хотѣлъ бы, чтобы эта наука облагородила его страсти, узаконила порочныя его наклонности, разнуздала его волю, обезусловила его умъ, — вообще принаравливаясь исключительно къ стремленіямъ и выгодамъ внѣшней его жизни. При этомъ направленіи человѣка, теоретическое самопознаніе естественно стѣсняется въ своихъ предѣлахъ и получаетъ характеръ матеріалистическій, пока совсѣмъ не изгонится изъ энциклопедіи наукъ, какъ ученіе, не представляющее никакихъ матеріальныхъ интересовъ. Вѣковыя же наблюденія надъ душою человѣка, запечатлѣнныя умами великихъ философовъ въ лучшія эпохи исторической жизни народовъ, и оправданныя авторитетомъ христіанской вѣры, для людей, ходящихъ въ нравственной тѣмнотѣ и ничего не видящихъ, кромѣ предметовъ чувственныхъ, кажутся мечтою рутинеровъ. Итакъ, теоретическое самопознаніе въ своемъ

ходѣ никогда не слѣдуетъ закону постепеннаго развитія, но всегда служитъ выраженіемъ нравственнаго состоянія того народа, въ которомъ появляется и того времени, когда происходитъ. Смотря по духу вѣка и по направленію нравственной жизни извѣстнаго общества, либо даже частнаго изслѣдователя человѣческой природы, оно бываетъ то обширнѣе, то тѣснѣе, — открываетъ въ нѣдрѣ души то болѣе фактовъ, то менѣе, и сообщаетъ наукѣ то духовный характеръ, то матеріальный. За упадкомъ народной нравственности обыкновенно слѣдуетъ упадокъ и самопознанія; а когда первая становится чище и возвышеннѣе, улучшается и облагораживается также послѣднее. И здѣсь-то скрывается причина случающейся иногда странной борьбы мнѣній о человѣческой природѣ, въ одно и то же время, въ одномъ и томъ же обществѣ, — такой борьбы которая нерѣдко оканчивается торжествомъ заблужденія и поправленіемъ истины. Представимъ себѣ общество на довольно высокой степени нравственнаго растлѣнія: само собою разумѣется, что взглядъ его на человѣческую природу будетъ тогда грубъ и матеріаленъ; и какъ скоро является умъ, сообщающій психическому матеріализму сколько-нибудь правильную логическую форму и чрезъ то доставляющій ему подобіе истины, — его система провозглашается современною и увѣнчивается похвалами, какъ произведеніе превосходное, вполне удовлетворяющее требованіямъ прогресса, который однакожъ въ другомъ обще-

ствѣ, или въ другое время вѣроятно поразили бы всѣхъ ужасомъ. Но мы безъ сомнѣнія согласимся, что упадокъ нравственной жизни въ народѣ, равно какъ и улучшеніе ея совершаются постепенно. Поэтому и въ первомъ случаѣ, какъ въ послѣднемъ, могутъ быть люди отсталые, такіе люди, которые, по глубокости своихъ убѣжденій, не спѣшатъ или даже вовсе не хотятъ увлекаться потокомъ современныхъ заблужденій, и крѣпко держатся чистоты психологическихъ своихъ понятій. Явно, что современные прогрессисты будутъ смотрѣть на нихъ съ презрѣніемъ и назовутъ ихъ рутинерами. А если, въ числѣ такихъ рутинеровъ, является умъ сильный, характеръ непоколебимый, и вздумаетъ своими началами, будто оплотомъ, остановить потокъ вредныхъ и гибельныхъ мнѣній; то оплотъ его будетъ сорванъ—иногда вмѣстѣ съ его жизнію, и высокія его идеи сокроются въ пыли библіотекъ до временъ болѣе благопріятныхъ, какъ драгоценный подарокъ поколѣніямъ позднѣйшимъ. Кто откажетъ въ удивленіи великимъ гениамъ? Но и гении бываютъ признаваемы, являясь только вовремя и при благопріятныхъ обстоятельствахъ. Сократъ не умеръ бы въ темницѣ, еслибы былъ гражданиномъ Лакедемона; Лютеръ не основалъ бы религіознаго общества, еслибы воспитывался и жилъ въ нѣдрѣ православной Церкви; Кантъ не положилъ бы началъ философскаго раціонализма, еслибы философствовалъ въ шестнадцатомъ столѣтіи.

Но когда и гении подчиняются духу времени и въ извѣстной степени бываютъ рабами обстоятельствъ; то по какимъ признакамъ можно судить о самостоятельности, столько же и о правильномъ развитіи теоретическаго самопознанія въ дѣятельности умовъ обыкновенныхъ? Естественныхъ признаковъ, для отличенія истины отъ заблужденія на этомъ важнѣйшемъ поприщѣ, конечно, не много; но они есть. Коперникъ, строя теорію солнечной системы, всю надежду своего построения основывалъ на предположеніи: не могутъ ли начертанными имъ законами движенія небесныхъ тѣлъ быть объяснены всѣ явленія звѣзднаго неба и рѣшены всѣ вопросы, неразрѣшимые по началамъ прежнихъ космологическихъ построеній? Съ того времени, предначертаніе Коперника сдѣлалось предметомъ повѣрокъ, и дѣйствительно донинѣ оправдывается астрономическими наблюденіями; предположеніе его вошло въ рядъ истинъ, почти несомнѣнныхъ, и система его устоялась. Что же? Не такимъ ли образомъ строится и теорія душевной нашей жизни? Не есть ли это также *космосъ*, въ которомъ психологъ долженъ открыть постоянные законы движенія его силъ и созерцать его какъ одно стройное цѣлое? Этотъ *космосъ*,—область сознанія, обращеннаго къ внутренней сторонѣ человѣческой природы, смотря по чистотѣ души, болѣе или менѣе богатъ нравственными явленіями, какъ небо, смотря по состоянію атмосферы, болѣе или менѣе богато звѣздами. По-

этому все дѣло самопознанія должно состоять только въ томъ, чтобы оцѣнить относительную важность пробуждающихся въ ней явленій, не принимая центральнаго за периферическое, а периферическаго за центральное, поставлять ихъ въ естественную связь и зависимость одни отъ другихъ, и, опредѣливъ чрезъ то законы и цѣли ихъ дѣятельности, выводить отсюда заключенія о достоинствѣ и значеніи нравственной жизни человѣка, во всѣхъ ея формахъ, и рѣшать возникающія въ ней стремленія, требованія, побужденія и противорѣчія. Если все это рѣшается легко и подтверждается многочисленными опытами, можно смѣло сказать, что ходъ и законы теоріи самопознанія вѣрны. Характеризуясь строго систематическимъ развитіемъ, самопознаніе можетъ допускать погрѣшности и заблужденія только отъ двухъ причинъ: во-первыхъ, отъ недалёковидности взгляда; во вторыхъ, отъ туманной атмосферы той области, которую оно должно разсматривать.

Никакое теоретическое самопознаніе не можетъ похвалиться столь великою остротою и обширностію зрѣнія, чтобы въ состояніи было проникнуть до глубины человѣческаго духа и прослѣдить всѣ излучистые пути его хожденія. И самый свѣтлый взглядъ человѣка необходимо тускнѣетъ и теряется въ неразгаданныхъ тайникахъ его природы, — преимущественно же тамъ, гдѣ тварность ея обнаруживаетъ въ себѣ отпечатокъ совершенствъ Творческихъ, гдѣ конечное въ ней почерпаетъ

силу стремленія къ безконечному. Приближаясь мыслію къ этимъ таинственнымъ сторонамъ души, самопознаніе легко можетъ дѣлать о нихъ заключенія невѣрные и впадать въ заблужденія ужасныя, — особенно, когда упускаетъ изъ виду ту великую истину, что неизбѣжныя условія всякой нашей дѣятельности за землѣ суть *пространство* и *время*; а законы пространственныхъ и временныхъ отношеній никакъ не могутъ быть приложимы къ уразумѣнію того, что, само въ себѣ, безформенно и существуетъ подъ иными условіями. Но чѣмъ же въ такомъ случаѣ оно пособитъ себѣ, если все, о чемъ бы человѣкъ ни мыслить, можетъ мыслить только подъ формами? Астрономы, чтобы возвысить силу органическаго зрѣнія и доставить ему возможность видѣть предметы за предѣлами планетнаго его горизонта, придумали телескопы. Нѣтъ ли подобнаго орудія и для возвышенія силы зрѣнія нравственнаго, когда оно влечется къ созерцанію предметовъ за предѣлами горизонта, описываемаго сознаниемъ? Безъ сомнѣнія, есть; только это орудіе не подобное, а инородное, не чувственное, а духовное, не искусственное, а благодатное; это — око души, просвѣтленной вѣрою, которая дивно возвышаетъ силу сознанія и обличаетъ предъ нимъ существо вещей невидимыхъ. При свѣтѣ сего Божественнаго фarosа, наука самопознанія никогда не уклонится отъ истины и, сколько можно человѣку видѣть, увидитъ и разгадаетъ тайны душевной жизни: ибо, въ этомъ слу-

чаѣ, человѣкъ будетъ измѣрять себя не самимъ собою, а безконечнымъ умомъ Того, Которымъ существуетъ и движется.

Другая, еще болѣе опасная, причина возможныхъ въ области теоретическаго самопознанія заблужденій есть, какъ мы сказали, туманная атмосфера душевной жизни. Подъ этимъ выраженіемъ хотѣлось бы намъ разумѣть нѣчто болѣе того, что заключается въ немъ съ перваго взгляда. Есть люди, которыхъ сознаніе бываетъ постоянно обращено только на внѣшнюю сторону ихъ жизни, внутренняя же нисколько не озаряется имъ; и этихъ-то именно людей, а не тѣхъ, которые не получили школьнаго образованія, надобно считать, въ собственномъ смыслѣ, людьми темными. Но тьма—не туманъ: тьмою означается только отсутствіе свѣта; а туманъ есть воздухъ, насыщенный испареніями земныхъ тѣлъ, и получаетъ обыкновенно такія свойства, каковы предметы, испареніями которыхъ онъ насыщенъ. Поэтому въ туманѣ скрываются иногда начала порчи, либо даже разрушенія тѣхъ, или другихъ органическихъ видовъ. На туманъ жалуются даже и астрономы, что, сгущая атмосферу, онъ закрываетъ отъ наблюденія звѣздное небо и посмѣвается надъ силою назначенныхъ для созерцанія его естественныхъ и искусственныхъ орудій. Естествознаніе очень хорошо изслѣдовало какъ происхожденіе, такъ и вліяніе тумановъ на природу вещей и успѣхи человѣческой дѣятельности, и основательно доказываетъ,

что воздухъ никогда не бываетъ совершенно свободенъ отъ нихъ. Но замѣчаемъ ли мы, какъ освобождаются испаренія отъ нравственныхъ нашихъ поступковъ,—отъ предметовъ, поколику къ нимъ приражаются наши мысли, желанія, чувствованія? Въ сферѣ свободныхъ дѣйствій человѣка есть, конечно, и такіе предметы, которые, чрезъ прираженіе къ нимъ душевныхъ его силъ, источаютъ стихіи живительныя и благотворныя, какъ благотворны свѣтъ и теплота солнца для земныхъ произрастеній, Этими стихіями умѣряется, такъ сказать, атмосфера души и оплодотворяется нравственная ея жизнь. Но едва ли не чаще своими дѣйствіями поставляется человѣкъ въ отношеніе къ предметамъ, наполняющимъ душу тяжелыми, грубыми и зловредными испареніями, такъ что ими не только закрывается она отъ сознанія, но и обрекается на нравственную смерть. Этотъ туманъ иногда бываетъ до того густъ и непроницаемъ, что не разгоняется ни блестящимъ образованіемъ, ни обширною ученостію,—и людей, повидимому, умныхъ, какъ мы слыхали, заставляетъ говорить, что въ человѣкѣ нѣтъ ничего благороднѣе мозга. Представимъ же теперь, что эти мозговые люди, эти отуманенные матеріалисты въ жизни и наукѣ, вступили бы на поприще самопознанія и объявили себя призванными начертать теорію душевной природы. Какая жалкая была бы эта теорія? Какою близорукостію характеризовалось бы это самопознаніе! Живя только чувствомъ, въ чувствахъ и

для чувства. они и самую науку самопознания ограничили бы только предѣлами животной жизни и развили бы ученіе о душѣ скотское. Не видя въ себѣ началъ нравственной дѣятельности, закрытыхъ непроницаемымъ туманомъ порочныхъ и страстныхъ стремленій, они и въ наукѣ пришли бы къ заключенію германскихъ раціоналистовъ: „чего не могу я подвести подъ формы моего мышленія, того и нѣтъ“ и никогда не рѣшили бы важнѣйшихъ вопросовъ, возбуждаемыхъ духовными требованіями человѣка, которые всегда есть, которые преслѣдуютъ его даже на путяхъ крайней оземленѣлости, и отъ рѣшенія которыхъ онъ отказаться не въ состояніи. Нѣтъ, такіе изслѣдователи человѣческой души прежде должны постараться просвѣтлить для сознанія собственную свою душу и очистить ея атмосферу отъ дыханія нечистой жизни, наполняющей ее нравственными міазмами, — очистить, по крайней мѣрѣ, сколько это возможно (ибо и атмосфера души не можетъ быть совершенно свободна отъ тумановъ чувственности); а это возможно не иначе, какъ силою покающаго чувства, которое бы глубоко отзывалось въ душѣ и теплою молитвою предъ Богомъ, въ нѣдрѣ Христовой Церкви: *сердце чисто созижди во мнѣ, Боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей!* Призываемая такимъ образомъ и съ готовностію принимаемая благодать Іисуса Христа сама очищаетъ человѣка и дѣлаетъ его способнымъ къ самопознанію.

Но гдѣ то время, когда въ человѣкѣ пробуждается это чувство сокрушенія о жизни, проведенной безъ всякой нравственной пользы, когда онъ возвращается къ себѣ и въ состояніи бываетъ въ нѣдрѣ своей жизни замѣтить мракъ, запустѣніе и смрадъ, чтобы потомъ ощутить потребность въ возможномъ ея очищеніи? Гдѣ это время?

Не уходитъ человѣкъ съ площади, пока стоитъ прекрасная погода. „Зачѣмъ идти домой—въ скучный и тѣсный свой уголь“, говоритъ онъ, „когда на дворѣ такъ весело и просторно!“ Но вотъ вдругъ, незнать откуда, налетѣла буря, заблистали молніи, раздались удары грома, полились цѣлые рѣки дождя, — и онъ поспѣшно идетъ домой—увы! какъ поздно! Полуразвалившаяся хижина нисколько не защищаетъ его отъ порывовъ вѣтра и потоковъ дождя. „Почему бы мнѣ“, думаетъ онъ, „во время хорошей погоды не посидѣть дома и не заняться исправленіемъ своей хижины? Теперь—въ часы непогоды—пріютъ совершенно успокоилъ бы меня.“ Такова пора житейскихъ бѣдствій. Она заставляетъ насъ невольно обращаться къ себѣ и, напоминая намъ, что мы не положили въ своей душѣ никакихъ основаній для утѣшенія и ободренія себя, нерѣдко повергаетъ насъ въ отчаяніе.

Не уходитъ человѣкъ съ площади, пока ясно свѣтитъ солнце и до ночнаго мрака еще далеко. Но вотъ земной свѣтильникъ меркнетъ, тьма скрываетъ отъ глазъ всѣ формы вещей, доставлявшихъ ему удовольствіе, сырость вечерняго воздуха на-

чинаетъ проникать его тѣло,—и онъ спѣшитъ подъ кровь своей хижины;—увъ! опять поздно! Въ ней нѣтъ ни свѣта, ни теплоты,—въ ней мракъ ужаснѣе того, отъ котораго онъ ушелъ, и холодъ въ ней—холодъ могильный. „Почему было“, думаетъ онъ, „не возвратиться мнѣ домой ранѣе, чтобы освѣтить и обогрѣть свою хижину? Теперь не страшился бы я мрачной и холодной ночи, и уснулъ бы спокойно съ надеждою, что завтра встану здоровъ и веселъ“. Такова пора смерти. Она тоже заставляетъ насъ обратиться къ себѣ. Но если въ продолженіе жизни, мы, по невнимательности въ внутренней своей природѣ, не проявили для себя тѣхъ благотворныхъ ея началъ, которыя не знаютъ смерти и не подлежатъ ея законамъ: то это обращеніе наше безконечно ужаснѣе, чѣмъ шествіе преступника на смертную казнь.

Василій Николаевичъ Карповъ, авторъ этого эпилога, ординарный профессоръ С.-Петербургской Духовной Академіи, чловѣкъ высокихъ нравственныхъ качествъ и неутомимаго трудолюбія, родился въ 1800 году и скончался 3 Декабря 1867. Извѣстнѣйшіе его ученые труды суть: 1) Введеніе его въ философію, Спб. 1810, 2) Систематическое изложеніе Логики. Спб. 1856, 3) Сочиненія Платона, въ 4 частяхъ и 4) Переводы Византійскихъ историковъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ТРАКТАТЪ О САМОПОЗНАНІИ.

	Стран.
Предисловіе къ третьему изданію.....	I
Письмо Митрополита Филарета.	II
Письма Преосвященнѣйшихъ Іерарховъ къ издателю съ одобреніемъ книги «О Самопознаніи».....	IV
Предисловіе къ первому изданію.....	XIX
Предисловіе ко второму изданію.....	XXI
Предисловіе автора.....	1

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА	I. Сущность и важность самопознанія.	9
ГЛАВА	II. Различныя вѣтви самопознанія. Мы должны знать какого рода мы творенія и чѣмъ мы будемъ.....	19
ГЛАВА	III. Объ отношеніяхъ нашихъ къ Богу, къ Господу Иисусу Христу и къ подобнымъ намъ людямъ.....	25
ГЛАВА	IV. Мы должны понять тотъ санъ и состояніе, въ какомъ Провидѣнію угодно	

	было насъ поставить, и что ему прилично и служить украшеніемъ.....	40
ГЛАВА V.	Всякій долженъ хорошо познакомиться съ своимъ талантомъ и способностями, и съ тѣмъ, какъ лучше ихъ развить и усовершенствовать.....	44
ГЛАВА VI.	Мы должны хорошо познакомиться съ нашими неспособностями и естественными недостатками, какъ и съ своими преимуществами.....	48
ГЛАВА VII.	О познаніи нашего природнаго грѣха.	51
ГЛАВА VIII.	Для самопознанія необходимо знать и тѣ опасныя искушенія, которымъ каждый изъ насъ особенно подверженъ.	56
ГЛАВА IX.	Самопознаніе открываетъ тайныя предубѣжденія нашего сердца.....	60
ГЛАВА X.	О необходимости и средствахъ узнать свой природный темпераментъ.....	72
ГЛАВА XI.	О тайныхъ источникахъ нашихъ дѣйствій.....	78
ГЛАВА XII.	Кто знаетъ себя, тотъ очень чувствуетъ, какъ сильна въ немъ жажда похвалъ.....	81
ГЛАВА XIII.	Какія знанія мы приобрѣли и въ какой степени ихъ уважаемъ?.....	85
ГЛАВА XIV.	Познаніе и наблюдение мыслей и управление ими.....	91
ГЛАВА XV.	О памяти.....	160
ГЛАВА XVI.	О внутреннемъ, духовномъ вкусѣ...	110
ГЛАВА XVII.	О великой и главной цѣли нашей жизни.	115
ГЛАВА XVIII.	Какъ узнать истинное состояніе нашей души, и готовы ли мы къ смерти.	118

ЧАСТЬ ВТОРАЯ,

	показывающая великое достоинство и преимущество науки самопознанія..	121
ГЛАВА I.	Самопознаніе есть источникъ самообладанія.....	122
ГЛАВА II.	Самопознаніе ведетъ къ благоразумнымъ и основательнымъ поступкамъ.	127
ГЛАВА III.	Смирение—плодъ самопознанія.....	129
ГЛАВА IV.	Любовь къ ближнему есть также плодъ самопознанія.....	132
ГЛАВА V.	Терпимость—слѣдствіе самопознанія.	135
ГЛАВА VI.	Самопознаніе исправляетъ разсудокъ.	139
ГЛАВА VII.	Самопознаніе ведетъ къ истинному самоотверженію.....	142
ГЛАВА VIII.	Чрезъ самопознаніе мы становимся полезнѣе для другихъ.....	146
ГЛАВА IX.	Самопознаніе научаетъ поступать во всемъ прилично званію.....	148
ГЛАВА X.	Благочестіе есть плодъ самопознанія.	151
ГЛАВА XI.	Самопознаніе научаетъ насъ правильному исполненію обязанностей религіи.	152
ГЛАВА XII.	Самопознаніе есть самое лучшее приготовленіе къ смерти.....	156

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ,

	показывающая: какъ достигается самопознаніе.....	158
ГЛАВА I.	Для самопознанія необходимо испытаніе себя.....	161

IV

Стран.

ГЛАВА	II. Постоянное наблюдение за собою необходимо для самопознания.....	177
ГЛАВА	III. Мы должны обращать внимание на мнение объ насъ и другихъ людей, особенно нашихъ враговъ.....	180
ГЛАВА	IV. Частое обращение съ людьми высшихъ достоинствъ помогаетъ самопознанию	182
ГЛАВА	V. Надобно стараться образовать нравъ свой такъ, чтобъ онъ наиболее располагалъ насъ къ самопознанию....	185
ГЛАВА	VI. Чувствовать ложность своихъ знаний есть уже добрый шагъ къ самопознанию.	189
ГЛАВА	VII. При нѣкоторыхъ, неожиданныхъ случаяхъ, намъ нужно особенно наблюдать за собою.....	191
ГЛАВА	VIII. Для самопознания, мы должны разсматривать себя, отдѣляясь отъ всѣхъ вѣншихъ обстановокъ.....	198
ГЛАВА	IX. Успѣхъ въ самопознании преимущественно зависитъ отъ практическаго приведенія его въ исполненіе.....	201
ГЛАВА	X. Частая и усердная молитва есть самое дѣйствительное средство для достиженія истиннаго самопознания.....	209

Эпилогъ

О Самопознании—Професс. Карпова. 215